

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

НЕНУЖНАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

КОЛОКОЛЬНЯ ЕГО
ЛЖИВЫХ КЛЯТВ

Лилия Тимолаева

**Ненужная жена дракона.
Колокольня его лживых клятв**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Ненужная жена дракона. Колокольня его лживых клятв /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

Меня вызвали в Зал брачных клятв, где муж-дракон должен был защитить моё имя. Вместо этого Дарион Грант поставил рядом с собой другую женщину и попросил Палату вычеркнуть меня из брачной книги. Он сказал, что между нами больше нет клятвы. И тогда старая Колокольня брачных клятв, молчавшая сто лет, ударила в колокол и произнесла одно слово: «Лжёшь». Теперь весь город хочет знать, какую клятву нарушил мой муж, кто подменил брачные записи и почему его новая избранница так боится звона. А я больше не собираюсь быть женой, которую можно стереть одной подписью. Если моё имя осталось в книге, значит, правда ещё не сказала последнего слова.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Звон перед разводом	5
Глава 2. Имя, которое не стёрлось	16
Глава 3. Ступени, которые помнят	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Звон перед разводом

Меня вызвали в Зал брачных клятв в тот час, когда во дворце уже зажигали огни для вечернего приёма.

Посыльный из Палаты стоял у дверей моих покоев с ровной спиной и опущенными глазами. В руках он держал серебряную дощечку с гербом Грантов и печатью брачного закона. Такие дощечки не приносили ради семейных разговоров. Их не вручали жене, если муж хотел извиниться за долгие месяцы холода. И всё же, когда я увидела на воске драконий знак Дариона, сердце сделало предательский, глупый рывок.

Я подумала: наконец.

Наконец он решил прекратить это молчание, которое висело между нами с начала зимы. Наконец позвал меня не через управляющего, не через секретаря рода, не через равнодушную записку с приказом явиться туда-то и тогда-то, а официально, при Палате. Может быть, ему надоело слушать слухи о том, что я стала пустым местом в доме Грантов. Может быть, он понял, как выглядит его безразличие со стороны. Может быть, сегодня он скажет при всех то, чего я ждала от него наедине.

Что я всё ещё его жена.

Что моё имя нельзя трогать.

Что женщина, которую он сам ввёл в род, не обязана каждый день доказывать право дышать рядом с его гербом.

— Леди Орвен-Грант, — произнёс посыльный, не поднимая глаз. — Палата брачных клятв просит вас немедленно прибыть в Северный зал.

В его голосе не было ни сочувствия, ни любопытства. Только выученная вежливость человека, который заранее знает, что приносит беду, но привык отдавать её из рук в руки так же аккуратно, как подают приглашение на бал.

Я взяла дощечку. Серебро оказалось холодным, и этот холод прошёл через пальцы к запястью, туда, где под кружевом рукава лежала тонкая брачная метка. Когда-то она вспыхивала теплом, стоило Дариону коснуться моей руки. Последние месяцы метка вела себя иначе: не гасла, не болела, но словно замерла, как дом, из которого уехали люди и оставили закрытыми все окна.

— Мой муж уже там? — спросила я.

Посыльный задержал дыхание на одно мгновение. Этого хватило, чтобы тревога внутри меня подняла голову.

— Лорд Грант ожидает в зале, — ответил он.

Не «вас ожидает». Просто ожидает. Как глава рода ждёт начала заседания, а не жену, которую сам призвал.

Я отпустила серебряную дощечку на столик у зеркала и посмотрела на своё отражение. Платье на мне было тёмно-синее, без драгоценных камней и показной роскоши, но с вышитой у ворота тонкой линией драконьего пламени — знаком супруги рода Грантов. Я надела его утром не для Дариона. Скорее по привычке, из упрямства. Если дом делал вид, что меня в нём больше нет, я всё равно оставалась его законной хозяйкой. Пока брачная книга хранила моё имя, никто не мог вычеркнуть меня взглядом.

Теперь меня звали в Палату.

Я поправила рукав, закрывая метку, и вышла.

До Северного зала вели три галереи. В первой всегда пахло полированным деревом и горячим воском от светильников; там стояли портреты прежних глав рода Грантов, все с одинаково властными лицами, словно сама кровь требовала от них смотреть на мир сверху вниз. Во второй галерее окна выходили на внутренний двор, где слуги уже расставляли фонари для

вечернего собрания родов. В третьей начинался камень Палаты — белый, прожилками серебра, с вязью брачных законов вдоль стен.

Каждый шаг отдавался в груди.

Я не позволяла себе ускориться. Не хватало ещё войти туда сбившейся, напуганной, с лицом женщины, которая уже проиграла. В доме Грантов страхи замечали быстрее доброты. Слабое место здесь не закрывали ладонью — на него ставили печать.

У дверей Северного зала стояли двое стражей Палаты. Не родовые воины Дариона. Чужие. В серых плащах, с цепями брачного закона на груди. Один из них распахнул створку передо мной, и гул голосов, приглушённый камнем, сразу хлынул наружу.

Я переступила порог.

И увидела её.

Кассара Норт стояла справа от Дариона, на месте, где по закону должна была стоять жена.

На ней было платье цвета тёмного золота, с воротом, расшитым гранатовыми нитями. Цвета рода Грантов. Не полные — полные она пока не имела права носить, — но достаточно близкие, чтобы каждый в зале понял, кто дал ей это право. Её светлые волосы были уложены так, как укладывали волосы женщины перед родовым представлением: без распущенной мягкости, без девичьей вольности, с дорогими шпильками у висков и тонкой цепью на лбу. На этой цепи блеснул маленький дракон, вырезанный из красного камня.

Моё место.

Мой цвет.

Моя высота рядом с ним.

Дарион стоял рядом с ней, повернувшись к Палате вполоборота. В чёрном мундире главы рода, с серебряной застёжкой у горла и знаком драконьего крыла на плече. Высокий, собранный, недоступный, как дверь, которую когда-то открывали только для меня, а теперь замуровали изнутри. Его тёмные волосы были убраны назад, лицо казалось спокойным, но я знала эту складку у губ. Он принимал решение. Уже принял.

Зал был полон.

Представители старших драконьих родов сидели полукругом за каменными столами. У каждого перед собой лежала родовая печать, брачная лента и свиток присутствия. Женщины в дорогих платьях смотрели на меня с разным выражением: кто-то ждал слёз, кто-то — скандала, кто-то — подтверждения слухов, что лорд Грант наконец избавится от жены, которая не сумела удержать рядом с собой дракона. Мужчины разглядывали меня с деловой холодностью, как смотрят на спорный пункт договора.

В центре зала стоял высокий стол Палаты. На нём лежала Брачная книга — огромная, в переплёте из белой кожи, с серебряными углами и замком в виде раскрытого крыла. Рядом с книгой стоял Бран Рихтер, глава Палаты брачных клятв. Сухой, подтянутый, седой у висков, в серой мантии, где каждая складка лежала с такой точностью, словно ткань тоже подчинялась закону. Он держал в руках длинный ключ от брачной книги, а на его пальцах поблескивали кольца печатей.

Опасные люди редко выглядят чудовищами. Бран Рихтер выглядел порядком.

— Леди Орвен-Грант, — сказал он, когда я остановилась в проходе. — Благодарю за своевременное прибытие.

Благодарю.

Слово было вежливым, а прозвучало как отметка в протоколе.

Я перевела взгляд на Дариона. Он смотрел на меня. Не отвёл глаз, не опустил голову, не сделал шага навстречу. И вот тогда надежда, которую я так глупо несла с собой через три галереи, дрогнула. Она не умерла сразу — надежды упрямы, особенно те, за которые женщина цепляется последние месяцы. Но в ней появилась трещина.

— Дарион, — произнесла я.

В зале кто-то шевельнулся. Не потому, что я назвала мужа по имени; я имела на это право. Просто всем хотелось услышать, каким голосом я это сделаю. Сломанным? Обвиняющим? Просительным?

Я сама не знала, что в нём прозвучало.

Дарион едва заметно кивнул.

— Таисса.

Не жена. Не леди Грант. Не моя.

Просто имя, произнесённое так, словно он ставил подпись под последним листом.

Кассара опустила глаза, и это было сделано так безупречно, что несколько женщин слева наверняка сочли её скромной. Я увидела другое. Она знала, как выглядит победа, если её не размахивать перед лицом побеждённой. Победа в чужом месте должна стоять спокойно, дышать ровно, не пачкать рук лишними словами. Кассара это умела.

— Прошу подойти к столу Палаты, — сказал Бран Рихтер.

Я пошла.

Каменный пол под ногами был выложен кругами брачных печатей. Когда-то, в день свадьбы, я стояла в таком же круге рядом с Дарионом. Тогда зал был украшен белыми лентами и живым огнём драконьих чаш. Дарион держал мою руку крепко, так крепко, что я чувствовала не только его пальцы, но и уверенность: этот мужчина не отпустит. Он смотрел на меня не как глава рода, выбирающий союз, а как человек, который сделал свой выбор и готов спорить за него с целым миром.

В тот день он сказал мне у самого порога, пока нас ещё не позвали внутрь:

— Что бы они ни решили о тебе до обряда, после ты войдёшь в мой род не тенью. Рядом.

Я поверила.

Глупость не в том, что женщина верит любимому мужчине. Глупость в том, что она продолжает держаться за старые слова, когда его новые поступки режут их на куски.

Я остановилась у стола Палаты. Между мной и Дарионом было несколько шагов, но казалось, что между нами уже успели построить стену из подписей, печатей и чужих советов.

Бран Рихтер раскрыл книгу.

Страницы сами зашелестели, перебирая имена. Этот звук я помнила со свадьбы. Тогда он показался торжественным, даже красивым: закон признавал наш союз. Сегодня тот же шелест напоминал движение ножа по бумаге.

Страница остановилась.

Таисса Орвен-Грант.

Моё имя сияло тонкой золотой вязью рядом с именем Дариона. Брачная печать под ними ещё держалась. Слабее, чем раньше, но держалась. Я увидела это и вдохнула глубже. Пока печать жива, брак нельзя назвать простым воспоминанием. Пока книга не согласилась отдать меня, я не обязана была склонять голову перед чужим решением.

— По прошению лорда Дариона Гранта, главы рода Грантов, — начал Бран, и зал сразу затих, — Палата брачных клятв открывает рассмотрение о прекращении брачного союза между лордом Дарионом Грантом и леди Таиссой Орвен-Грант.

Слова пошли ровным потоком. Правильные, чистые, освящённые законом. Они не кричали, не оскорбляли, не пачкались злостью. От этого становилось хуже. Грубость можно было бы оттолкнуть. Протокол вползал в жизнь незаметнее, занимал места, на которых ещё вчера лежали чувства, и называл это порядком.

— Основания? — спросил один из старших представителей рода Элваров, высокий мужчина с белыми волосами и красной печатью у запястья.

Бран посмотрел на Дариона.

Вот он. Мгновение, в котором муж мог остановиться. Вздохнуть, сказать, что рассмотрение отложат, что есть ошибка, что он вызвал меня ради защиты, а не ради позора. Я пони-

мала, насколько жалкой выглядела бы эта надежда со стороны. Но внутри она всё ещё жила, упрямая, неправильная, моя.

Дарион поднял голову.

— Брак с Таиссой Орвен не выполнил своего родового назначения, — сказал он.

Зал услышал каждое слово.

Я тоже.

Сначала смысл не вошёл в меня целиком. Он словно ударился о что-то внутри и рассыпался на отдельные осколки: брак, Таисса Орвен, не выполнил. Я смотрела на Дариона и пыталась найти в его лице хоть что-то от того мужчины, который когда-то ждал меня у окна после длинного заседания и говорил, что дворец без моего голоса напоминает пустую крепость.

Передо мной стоял глава рода.

— Леди Орвен не стала опорой, необходимой дому Грантов, — продолжил он. — Союз не укрепил положение рода в Палате и не дал ожидаемого равновесия между личной клятвой и родовыми обязанностями. Последние месяцы подтвердили: дальнейшее сохранение брака вредит не только мне, но и порядку, который я обязан защищать.

Он говорил обо мне так, как говорят о треснувшей балке в крыше. О непригодной печати. О договоре, потерявшем смысл.

Не о женщине, которая ждала его ночами у погасшего камина, прислушиваясь к шагам в коридоре. Не о жене, которая месяцами пыталась понять, чем провинилась, почему каждое её письмо возвращалось без ответа, почему на семейных обедах ей оставляли место у края стола, а не рядом с мужем. Не о той, кто училась жить в его доме, запоминала имена слуг, привычки старших, порядок родовых приёмов, правила, которые никто не объяснял прямо, но все требовали соблюдать.

— Ты сам просил этот брак, — сказала я.

Фраза вырвалась раньше, чем я успела взвесить её. Не громко, но зал услышал. Дарион услышал тоже. У него чуть напряглась линия челюсти.

— Тогда обстоятельства были иными.

Обстоятельства.

Так теперь называлась любовь?

Кассара подняла на меня глаза. В них не было открытой насмешки. Только внимательное, выверенное сочувствие, от которого захотелось отступить. Она смотрела так, словно уже примеряла на себя не только место рядом с Дарионом, но и право жалеть женщину, которую он оставляет.

— Лорд Грант, — вмешался Бран, — подтверждаете ли вы намерение просить Палату о вычёркивании имени леди Орвен из брачной книги рода Грантов?

Я ждала, что Дарион посмотрит на страницу. На золотые буквы. На печать. На моё имя рядом со своим. Он не посмотрел.

— Подтверждаю.

По залу прошёл шёпот. Кто-то ждал именно этого и теперь с жадностью впитывал каждую подробность. В другом конце зала женщина прикрыла губы веером. Старший представитель рода Сольденов наклонился к соседу, и я уловила обрывок: «Наконец-то решился». Значит, они обсуждали это раньше. Без меня. Мой брак уже давно лежал перед ними на столе, а я всё ещё жила в нём, как в доме, чьи стены тайно продали по камню.

Бран повернулся ко мне.

— Леди Орвен-Грант, Палата предоставляет вам право ответа.

Право. Как щедро.

Я посмотрела на Брачную книгу. Моё имя сияло ровно, и эта ровность вдруг разозлила меня сильнее чужих взглядов. Буквы не знали, как больно женщине, когда её превращают в

строку. Закон не чувствовал позора. Камень под ногами не помнил, как я входила сюда в день свадьбы с открытым лицом и верой в мужчину, который сейчас стоял рядом с другой.

Я могла сказать многое.

Могла спросить, почему Дарион ни разу не дал мне объясниться. Почему каждую попытку поговорить он обрывал словами о делах рода. Почему Кассара уже носит цвета Грантов, хотя я ещё не сняла его кольцо. Почему Палата собралась полным составом раньше, чем меня предупредили. Почему все в зале смотрят на меня не как на женщину, чью жизнь ломают, а как на долгожданное зрелище.

Но если бы я начала задавать эти вопросы сейчас, они услышали бы только боль. И потом так бы и записали: леди Орвен вела себя несдержанно, поддалась личной обиде, пыталась сорвать законный обряд.

Бран Рихтер уже держал перо над протоколом.

Я видела, как он ждёт. Не ответа — ошибки.

— Я не соглашалась на вычёркивание, — произнесла я. — И не признаю, что мой брак был ошибкой.

Дарион впервые изменился в лице. Не сильно, но я знала его достаточно, чтобы заметить: мои слова задели. Он ожидал слёз, обвинений или молчания. Спокойный отказ ему не подходил.

— Таисса, — сказал он, и в этом имени прозвучало предупреждение. — Не усложняй.

Я усмехнулась. Коротко, без радости.

— Ты привёл меня в зал, полный родов, поставил рядом с собой другую женщину и просишь Палату стереть моё имя из брачной книги. Скажи, Дарион, какую часть этого я усложнила?

Несколько взглядов метнулись к нему. Кассара опустила ладони на складки платья, и я заметила, как её пальцы сжались на ткани. Значит, ей тоже не понравился вопрос.

Дарион шагнул ближе к столу. Его голос остался ровным, но в нём появился металл.

— Я дал тебе месяцы, чтобы сохранить достоинство.

Вот оно.

Даже теперь он считал своё молчание милостью.

— Нет, — ответила я. — Ты дал мне месяцы, чтобы я привыкла к пустому месту рядом с собой и сама решила, что заслужила его.

В зале стало заметно холоднее. Или мне так показалось от того, как брачная метка под рукавом отозвалась слабым, болезненным теплом. Дарион посмотрел на мою руку. Мельком. Так быстро, что другой мог бы не заметить. Я заметила.

В его глазах что-то шевельнулось, но он тут же закрыл это привычной властной маской.

— Палата не рассматривает чувства, — сказал Бран Рихтер, аккуратно возвращая разговор в безопасное для него русло. — Палата рассматривает соответствие брака закону и родовым обязательствам. Леди Орвен, есть ли у вас доказательства, что лорд Грант действует под давлением, обманом или нарушает брачную печать?

Доказательства.

У меня были ночи. Письма без ответа. Отчуждение слуг после каждого его закрытого совещания. Перешёптывания женщин, которые замолкали, когда я входила. Взгляд Кассары на последнем приёме, когда она ещё не имела права стоять рядом с ним, но уже знала, что скоро будет. У меня была память о Дарионе, который менялся день за днём, словно кто-то осторожно, слой за слоем, снимал с него всё, что связывало нас.

Но перед Палатой такая правда ничего не стоила.

— Мне не дали увидеть основания прошения, — сказала я.

Бран даже не моргнул.

— Супруг не обязан предоставлять супруге внутренние родовые заключения до открытия заседания, если речь идёт о защите интересов рода.

— Значит, меня можно вычеркнуть на основании бумаг, которых я не видела?

— Вас не вычёркивают сейчас, — поправил он с холодной любезностью. — Палата начинает обряд признания брачной клятвы исчерпанной. Если печать подтвердит волю главы рода и отсутствие сопротивления закона, имя будет снято.

Отсутствие сопротивления закона.

Я посмотрела на страницу. Печать под нашими именами мерцала слабее, чем раньше, но в её глубине оставался золотой узел. Он не распадался. Я не понимала магию Палаты так, как понимали её хранители, но знала одно: если бы брак был мёртв, печать погасла бы до начала обряда.

Дарион тоже должен был это видеть.

— Печать жива, — сказала я.

Бран повернул книгу так, чтобы всем было видно.

— Она ослаблена. Это естественно при долгом разрыве супружеского согласия.

— Разрыве, который создал не брак, а молчание.

— Осторожнее, леди Орвен, — произнёс Бран. — Вы стоите перед Палатой.

Я подняла на него взгляд.

— Я стою перед собственной брачной книгой.

На этот раз шёпот в зале стал громче. Кто-то одобрительно втянул воздух. Кто-то, наоборот, возмутился. Драконьи роды любили смелость в мужчинах и называли её дерзостью в женщинах. Это правило я усвоила быстро.

Дарион приблизился ко мне на шаг. Теперь между нами оставался только угол стола. Я почувствовала запах его родового огня — сухой, тёплый, с горькой нотой древесного дыма. Раньше этот запах означал дом. Я могла узнать Дариона в темноте, по одному дыханию рядом. Сейчас тот же запах ударил в память так сильно, что мне пришлось сжать пальцы, чтобы не выдать дрожь.

— Таисса, — сказал он уже ниже, но зал всё равно слушал. — Я не хотел доводить до открытого противостояния.

— Поэтому привёл свидетелей?

Его глаза потемнели.

— Поэтому дал тебе возможность уйти достойно.

— Достойно — это как? Поблагодарить тебя за то, что новая жена ещё не стоит на моём месте в полной родовой цепи?

Кассара наконец подняла голову. Её голос прозвучал мягко:

— Леди Орвен, мне жаль, что моё присутствие причиняет вам боль. Но решение лорда Гранта принято не из-за меня.

Какая безупречная фраза. В ней было всё: сочувствие, чистые руки, намёк на то, что боль моя личная и лишняя. Она будто поставила между нами прозрачную стену: по одну сторону разумная будущая жена, по другую — отвергнутая женщина, которая не умеет принять поражение.

Я повернулась к ней.

— Тогда вам нечего бояться моего имени в книге.

Кассара улыбнулась. Очень мало. Уголками губ, не нарушая образа.

— Я не боюсь имён, леди Орвен.

— Даже чужих?

Дарион прервал нас:

— Довольно.

В этом одном слове прозвучал тот прежний Дарион, которому подчинялись залы, стража, советники и огонь в родовых чашах. Мужчина, привыкший завершать спор до того, как он станет неудобным. Раньше я восхищалась этой силой. Сегодня она давила на меня, пытаюсь согнуть к столу Палаты.

Бран Рихтер воспользовался мгновением.

— Палата приступает к обряду, — объявил он. — Лорд Грант подтвердил прошение. Леди Орвен выразила несогласие, но не представила доказательств нарушения закона. В соответствии с брачным уставом родов драконьей крови мы открываем книгу и призываем печать засвидетельствовать: клятва исчерпана, имя супруги подлежит снятию с рода.

Он вставил ключ в серебряный замок на переплёте, хотя книга уже была открыта. Это был не обычный замок, а сердце обряда. Я почувствовала, как воздух сгустился вокруг стола. Печати на полу вспыхнули бледным светом, круги под нашими ногами ожили, и по залу потянуло холодом камня, долго хранившего чужие обещания.

Моё кольцо стало тяжелее.

Я опустила взгляд на руку.

Брачное кольцо Грантов было не самым красивым украшением в моей жизни, но самым важным. Тонкий тёмный металл, внутри которого жила полоска золотого огня. В день свадьбы Дарион сам надел его мне на палец, и огонь тогда поднялся, обвивая наши руки, признавая союз. Я помнила, как зал выдохнул, потому что родовая магия не всегда принимала чужую женщину с первого раза. Меня приняла. Тогда это казалось знаком.

Теперь все ждали, когда я стану держаться за это кольцо как за последнюю милость.

Я вдруг поняла, что не дам им такого зрелища.

Они уже забрали у меня многое: ночной покой, уверенность, место за столом, право войти в комнату мужа без ожидания у двери. Но последнюю минуту моего достоинства я им не отдам.

Я стянула кольцо.

Металл не хотел сходить. Или палец не хотел отпускать. На миг кольцо задержалось у косточки, и внутри меня что-то болезненно сжалось: глупое тело помнило то, от чего разум уже отказывался. Я потянула сильнее. Кольцо соскользнуло в ладонь, оставив на коже светлую полоску.

Дарион смотрел.

Я видела, как он смотрит. Его лицо осталось собранным, но пальцы на краю стола напряглись. Почему? Не он ли хотел этого? Не он ли привёл меня сюда, чтобы освободить своё имя от моего?

Я положила кольцо на стол перед Брачной книгой.

Звук вышел негромким, но в тишине зала он прозвучал отчётливее многих криков.

— Если моё имя хотят снять с вашего рода, лорд Грант, — сказала я, глядя ему прямо в лицо, — пусть все видят: я не цеплялась за дверь, которую вы закрыли передо мной.

Его взгляд стал тяжёлым.

— Ты считаешь это победой?

— Нет. Я считаю это последним, что могу сделать сама, пока вы все решаете, кем мне быть.

Эти слова дались мне дороже, чем я ожидала. В горле стоял ком, и я боялась, что голос дрогнет. Не от страха перед Палатой, а от воспоминания: этот человек когда-то слушал меня иначе. Не как помеху. Не как ошибку. Он мог смеяться, когда я спорила с ним за завтраком о родовых правилах. Мог наклониться ко мне в шумной зале и спросить, устала ли я. Мог одним взглядом дать понять, что я не одна среди чужих.

Когда именно я стала чужой для собственного мужа?

В какой день он перестал видеть меня и начал видеть проблему?

Бран поднял перо. Кончик пера был серебряным, без чернил. Оно писало печатью, а не краской.

— Леди Орвен добровольно сняла брачное кольцо, — произнёс он для протокола.

— Не добровольно, — возразила я.

Он посмотрел на меня.

— Кольцо снято вашей рукой.

— Потому что я не позволю снимать его с меня чужим.

Бран сделал едва заметную паузу. Потом всё равно занёс запись в протокол. Я поняла, как легко закон переваривает правду: достаточно выбрать удобную формулировку.

Дарион отвёл взгляд.

Это оказалось большее его слов.

Пока он смотрел на меня, я могла злиться, отвечать, держаться. Когда он отвернулся, я на мгновение почувствовала пустоту. Словно меня действительно уже вычеркнули, только книга ещё не догнала его решение.

— Печать брака, — сказал Бран, — откликнись на волю рода, волю супруга и свидетельство Палаты.

Круги на полу вспыхнули ярче. На странице под нашими именами золотой узел дрогнул. Из книги поднялась тонкая нить света и потянулась к кольцу, лежащему на столе. Кольцо ответило слабым пламенем, и я увидела, как Кассара наклонилась вперёд. Впервые за вечер она потеряла часть своей безупречной неподвижности.

Она ждала.

Все ждали.

Бран начал читать слова вычёркивания:

— Если клятва исчерпана, если обет потерял силу, если имя супруги больше не связано с родовым огнём, Палата признаёт право главы рода...

Свет на странице потемнел.

Мне стало трудно дышать, но я не отступила. Пальцы сами хотели вцепиться в край стола. Я заставила их остаться свободными. Пусть видят руки. Пусть видят, что я не хватаюсь ни за книгу, ни за кольцо, ни за мужчину, который решил назвать нашу жизнь ошибкой.

— ...снять имя Таиссы Орвен с брачной строки рода Грантов, — продолжил Бран.

Серебряное перо коснулось страницы.

И остановилось.

Бран нахмурился.

В зале шёпот поднялся снова, но тут же оборвался, когда перо попыталось двинуться и не смогло. Оно дрожало над первой буквой моего имени, словно невидимая сила держала его за острие.

Я смотрела на эту дрожь, не смея вдохнуть.

Дарион резко шагнул ближе, но остановился у края печатного круга.

— Что происходит? — спросил он.

Бран сильнее сжал перо. На его лице впервые появилась неуверенность, тонкая, как трещина в стекле.

— Печать сопротивляется остаточной связи. Это бывает при личной привязанности супруги.

Личная привязанность.

Так они теперь назовут и это?

Мне захотелось рассмеяться, но смех был бы опасен. Он мог превратиться в рыдание, а я не собиралась дарить им ни того ни другого.

— Моей привязанности хватает, чтобы остановить закон? — спросила я. — Какая удобная слабость.

Бран бросил на меня взгляд, в котором уже не было прежней любезности.

— Не мешайте обряду.

— Я стою и молчу. Обряд мешает себе сам.

Дарион повернулся ко мне. В его глазах впервые за вечер было не только раздражение. Там мелькнул вопрос. Не доверие, не сожаление, но вопрос. Маленькая трещина в уверенности, с которой он пришёл меня вычёркивать.

Кассара тоже это увидела.

— Лорд Рихтер, — произнесла она, и её голос остался мягким, хотя пальцы снова сжались на платье. — Возможно, стоит использовать полную печать Палаты. Если леди Орвен эмоционально удерживает связь, обычного обряда может быть недостаточно.

Эмоционально удерживает.

Теперь я была уже не женой, а помехой обряду. Нервной, цепляющейся, неудобной.

Бран кивнул так, словно эта мысль и без неё была ему известна.

— Палата применит старший протокол.

В дальнем конце зала кто-то ахнул. Я не знала всех протоколов, но почувствовала, как изменился воздух. Даже Дарион напрягся.

— Это необходимо? — спросил он.

Бран повернулся к нему.

— Если род Грантов желает завершить дело сегодня — да.

Сегодня.

Значит, они торопились. Им нужно было вычеркнуть меня именно сейчас, до вечера, до приёма, до объявления нового союза. Кассара не просто стояла здесь украшением будущего. Её место ждали уже сегодня.

Что же должно было случиться, если моё имя останется в книге хотя бы до утра?

Я подняла голову.

— Боишься опоздать к собственной помолвке, Дарион?

Он посмотрел на меня так, словно я ударила его при всех. Хорошо. Пусть тоже почувствует, что слова могут ранить не хуже печатей.

— Не превращай это в торговую площадь, — сказал он.

— Это вы выставили мой брак на обозрение.

Бран ударил серебряным концом ключа по столу. Звук разошёлся по залу, заставив печати на полу вспыхнуть.

— Достаточно. Палата продолжает.

Он поднял обе руки над книгой. Кольца на его пальцах зажглись холодным светом. Из стен ответили брачные знаки: линии закона, вырезанные в камне, одна за другой наливались серебром. Я почувствовала давление на плечи, как от невидимой мантии, которую пытались набросить силой. Метка под рукавом отозвалась теплом, уже не слабым, а горячим, и я едва не сжала зубы.

Дарион заметил.

— Таисса?

Вот теперь он произнёс моё имя иначе. В нём появилась тревога, которую он тут же попытался спрятать. Но я услышала. И от этого стало больнее. Значит, где-то в нём ещё оставался мужчина, который мог заметить мою боль. Просто он выбрал прийти к этому месту через унижение, Палату и чужую женщину у своего плеча.

— Не надо, — сказала я.

Не знаю, к кому обращалась. К Брану, к Дариону, к самой себе.

Бран начал старший протокол:

— Перед лицом Палаты, родов и брачной книги призываю клятву признать собственное завершение. Если супруг отрекается, если род принимает, если закон не видит препятствий...

Книга раскрылась шире. Страница с нашими именами поднялась, хотя ветра в зале не было. Золотой узел под именами вспыхнул так ярко, что несколько человек заслонили глаза.

Я увидела в этом свете наш свадебный день.

Не видение, не магию — память. Дарион стоял рядом, его ладонь закрывала мою, и когда Бран Рихтер спрашивал, принимает ли глава рода эту женщину в дом Грантов, Дарион ответил без задержки. Тогда он не смотрел на роды. Он смотрел на меня.

«Принимаю не в дом. Рядом с собой».

Эти слова не вошли в обычную клятву. Я помнила, как Бран тогда слегка нахмурился, а зал притих. Дарион сказал их сам, до утверждённой формулы. Я тогда подумала, что это порыв. Красивый, гордый, его. Я не знала, имели ли эти слова силу.

Метка на запястье обожгла.

— Если между супругами больше нет клятвы, — произнёс Бран, — пусть печать погаснет.

Перо снова коснулось моего имени.

Золотой узел не погас.

Он раскрылся.

Свет ударил вверх, рассыпался над столом тонкими нитями и на мгновение сплёл между мной и Дарионом линию. Не крепкую, не ласковую. Болезненную, натянутую до предела, но живую. В зале поднялся шум. Кто-то встал. Один из представителей Палаты выронил свиток.

Дарион смотрел на свет между нами так, словно видел его впервые.

— Это невозможно, — сказал Бран.

Я услышала в его голосе то, чего раньше не было: страх.

И в этот миг Дарион сделал ошибку.

Он шагнул к книге, положил ладонь рядом с кольцом и сказал слова, которые, наверное, должны были поставить точку. Слова главы рода, привыкшего заставлять мир становиться на место.

— Между нами больше нет клятвы.

Свет в книге исчез.

На одно дыхание зал погрузился в тишину.

А потом где-то далеко, за северной стеной столицы, ударил колокол.

Звук был таким глубоким, что каменный пол под ногами дрогнул. Не обычный звон с городской башни, не праздничный удар часов, не тревожный сигнал стражи. Это был голос старой меди и древнего закона, голос высоты, о которой давно перестали говорить вслух. Он прошёл сквозь стены, через печати, через грудь каждого в зале и поднял на коже холод.

Второй удар был сильнее.

Бран Рихтер побледнел.

Кассара отступила на полшага, и впервые её лицо потеряло выученное спокойствие. Она смотрела не на Дариона, не на меня, а куда-то за стены зала, туда, где над северной частью столицы стояла заброшенная Колокольня брачных клятв. Та самая, о которой говорили как о мёртвом камне. Та, что молчала дольше человеческой жизни.

Третий удар заставил Брачную книгу раскрыться до конца.

Страницы рванулись сами, ленты на столе поднялись, печати на полу вспыхнули золотом, а моё кольцо покатилося по каменной поверхности и остановилось у края раскрытой страницы — рядом с моим именем.

Дарион не двигался.

Он всё ещё держал ладонь на столе, но теперь в его глазах было то, чего я ждала от него весь вечер и чего уже не хотела видеть такой ценой.

Сомнение.

Колокол ударил в четвёртый раз.

Зал не просто слушал. Зал боялся.

Бран попытался закрыть книгу, но серебряный замок обжёг его пальцы светом. Он отдернул руку, и в наступившей тишине его короткий вдох прозвучал громче любого шёпота.

— Колокольня не может... — начал он.

Не договорил.

Потому что пятый удар оборвался не звоном.

Словом.

Оно пришло сверху, из камня, из старой меди, из самой брачной книги. Не мужским и не женским голосом. Не криком. Не шёпотом. Слово легло на зал так, что все головы склонились под его тяжестью.

— Лжёшь.

Я посмотрела на Дариона.

Он смотрел на меня.

И впервые за этот вечер никто в Зале брачных клятв не знал, что делать с моим именем.

Глава 2. Имя, которое не стёрлось

Слово, произнесённое колокольней, осталось в зале дольше самого звона.

Оно не растворилось сразу, как обычный звук, не ушло под своды, не рассыпалось на эхо. Оно легло между мной и Дарионом, между Брачной книгой и серебряным пером Брана Рихтера, между моим снятым кольцом и рукой мужа, который только что сказал, что между нами больше нет клятвы.

Лжёшь.

Я не сразу поняла, что всё ещё смотрю на Дариона. Его ладонь оставалась на каменном столе рядом с кольцом, пальцы были напряжены так, что побелели костяшки. В глазах, где минуту назад жила холодная уверенность главы рода, появилась пустота человека, которому мир ответил не тем, что он приказал услышать.

Он не отдернул руку. Не заговорил. Не сделал попытки снова закрыть книгу или повторить свои слова громче, сильнее, властнее. И это молчание ударило по залу не хуже колокола. Дарион Грант привык, что его голос завершает спор. Сейчас спор завершила не Палата, не род, не он.

Старая колокольня, которую все считали мёртвой.

Я вдохнула, и воздух показался чужим. В нём был запах горячего воска, старого камня и тревоги множества людей, которые только что стали свидетелями того, что не укладывалось в их спокойные законы. Брачная метка под рукавом всё ещё горела, но уже иначе. Не болью от чужой печати, а глубоким, требовательным теплом, словно под кожей проснулась память, которую годами заставляли молчать.

— Это невозможно, — произнёс кто-то за столами родов.

Голос принадлежал старшему из Элваров, тому самому, кто спрашивал об основаниях развода. Теперь он стоял, положив ладонь на собственную родовую печать, и его белые волосы на висках казались серебром в свете вспыхнувших брачных кругов. Рядом с ним поднялась женщина в бордовом платье; её веер застыл у груди, глаза не отрывались от раскрытой книги.

Книга не закрывалась.

Страницы больше не метались, но и не слушались Брана. Они лежали распахнутыми на нашем имени. Моём и Дариона. Золотой узел под строкой не погас. Он мерцал неровно, словно дышал, собираясь то вспыхнуть, то уйти в глубину бумаги. Моё кольцо у края страницы грелось слабым огнём, и я вдруг подумала, что оно выглядит не брошенным, а вернувшимся туда, где его место.

— Закройте книгу, — сказал Дарион.

Сначала мне показалось, что он обращается к Брану. Потом я поняла: он сказал это не столько человеку, сколько самой Палате, закону, залу, древнему порядку, который на его глазах перестал ему повиноваться.

Бран Рихтер не пошевелился.

Я смотрела на него и видела, как быстро он собирает лицо заново. Страх, мелькнувший после звона, исчезал под привычной маской. Глаза становились суше, губы строже, подбородок поднимался. Он не мог позволить залу увидеть главу Палаты растерянным. Не после того, как колокольня назвала ложь в тот миг, когда именно он вёл обряд.

— Книгу нельзя закрывать до фиксации отклика, — произнёс Бран. — Любое самовольное прерывание старшего протокола будет считаться нарушением закона Палаты.

Его голос снова стал ровным. И от этого меня пробрал холод.

Человек, который испугался, мог ошибиться. Человек, который так быстро превратил страх в протокол, был опаснее. Он уже искал, как назвать случившееся так, чтобы правда стала не правдой, а удобным нарушением.

Кассара первой сделала шаг.

Она отступила от Дариона не в сторону дверей, а ближе к столу Палаты, и этот выбор сказал о ней больше, чем любая фраза. Другие женщины в зале жались к своим родовым местам, прятались за плечами мужчин или смотрели на потолок, откуда, казалось, ещё мог прийти новый удар колокола. Кассара подошла к закону. Не к Дариону, не ко мне. К Брану.

— Лорд Рихтер, — сказала она, и голос её прозвучал мягко, но в нём появилась тугая натянутость, которую я уже не могла не слышать. — Старые колокольни иногда откликаются на всплеск печатей. Особенно если применён старший протокол. Возможно, это не свидетельство, а искажение обряда.

Искажение.

Как быстро у неё нашлось слово.

Я повернулась к ней, чувствуя, что внутри боль всё ещё жива, но теперь под ней поднимается другое чувство. Острее. Твёрже. Если бы Кассара испугалась, я могла бы поверить, что она так же потрясена, как остальные. Но она не просто испугалась. Она начала спасать не Дариона. Она спасала обряд.

— Вы хорошо разбираетесь в старых колокольнях, леди Норт? — спросила я.

Кассара посмотрела на меня. На её лице снова лежала эта выверенная, светская сдержанность, только глаза стали холоднее.

— Достаточно, чтобы понимать: отчаявшаяся женщина может хвататься за любой знак.

Несколько человек за столами отвели взгляды. Кто-то одобрительно зашептался. Формулировка была удобной, почти ласковой. Отчаявшаяся женщина. Не жена, чьё имя не стёрлось. Не супруга, чью клятву защитила магия. Просто женщина, не сумевшая принять поражение.

Дарион наконец убрал руку от стола и посмотрел на Кассару.

— Вы хотите сказать, что Таисса могла вызвать звон?

Она чуть повернула к нему голову. Ни единого торжества. Только осторожность, которую легко было принять за заботу о нём.

— Я хочу сказать, что Палата должна рассмотреть все варианты, прежде чем позволить древнему звуку разрушить решение главы рода. В зале много печатей, лорд Грант. Леди Орвен была эмоционально задета. Её брачная метка откликалась на обряд. Никто не знает, как именно такое сопротивление могло ударить по спящей колокольне.

Её слова были как тонкие нити. Каждая сама по себе выглядела безобидно. Вместе они плели сеть.

Я почувствовала, как взгляды возвращаются ко мне. Не все сразу, но один за другим. Только что зал смотрел на Дариона, названного лжецом. Теперь зал снова смотрел на меня. Не как на женщину, которую публично унизили, а как на возможную виновницу невозможного звона.

Бран Рихтер воспользовался этим мгновением без промедления.

— Палата принимает к сведению замечание леди Норт, — объявил он. — До выяснения природы отклика Колокольни брачных клятв леди Таисса Орвен-Грант не имеет права покидать юрисдикцию Палаты.

Я медленно перевела на него взгляд.

— Не имеет права?

— Вы связаны с произошедшим откликом, — сказал Бран. — Ваше имя стало точкой сопротивления старшему протоколу.

— Моё имя не стало точкой сопротивления. Его пытались стереть.

— Не играйте словами, леди Орвен.

— Вы только что пытались вычеркнуть меня словами, лорд Рихтер. Теперь они вам мешают?

По залу прошёл новый шёпот. Дарион шагнул между нами взглядом, если не телом. Я видела, что он ещё не решил, куда поставить себя в этой сцене. Рядом с Палатой? Рядом с Кассарой? Напротив меня? Или впервые за многие месяцы рядом с вопросом, на который у него не было готового приказа.

— Таисса, — произнёс он.

Я обернулась к нему.

В груди что-то дрогнуло от одного имени, и я разозлилась на себя за это. Он назвал меня ненужной перед залом, поставил рядом с собой другую женщину, согласился на старший протокол, под которым моя метка горела так, что до сих пор ныла рука. И всё же какая-то часть меня всё ещё отзывалась на его голос быстрее, чем на чужие обвинения.

— Объясни, — сказал он.

Одно слово.

Не «ты ранена?». Не «что это было?». Не «я ошибся?». Он требовал объяснений так же, как требовал отчётов у родовых управляющих.

Я посмотрела на него долго, пока шум в зале не стал плотнее, тревожнее. Пусть ждут. Пусть впервые за вечер не я одна буду стоять под чужим взглядом.

— Если бы я умела заставлять колокола говорить, Дарион, — сказала я наконец, — я заставила бы их зазвонить гораздо раньше. В тот день, когда ты впервые посмотрел на меня как на чужую. В тот вечер, когда моё письмо вернулось нераспечатанным. В ту минуту, когда ты позволил ей встать на моё место.

Кассара чуть подняла подбородок, но не вмешалась. Дарион потемнел лицом.

— Ты обвиняешь меня перед Палатой?

— Ты сам привёл меня сюда, чтобы Палата слышала наш брак. Она слышала.

Его глаза вспыхнули драконьим золотом. Совсем немного, у самого зрачка, но я знала этот свет. В нём не было превращения, не было огня наружу. Только знак, что внутри него поднялась сила, которую он привык держать на цепи.

Раньше этот золотой отблеск будил во мне странное спокойствие. Дарион был опасен для всех, кто стоял против него, но не для меня. Так мне казалось. Сегодня я уже не была уверена, на какой стороне его огонь.

— Колокольня молчала сто лет, — сказал он. — И зазвонила в тот момент, когда ты отказалась принять решение Палаты.

— Она зазвонила в тот момент, когда ты солгал.

Слова вышли ровными. Я сама удивилась, сколько сил нашлось в них. Может быть, потому что это уже сказала не только я. Потому что где-то за северной стеной древняя медь произнесла то, что мне не дали бы произнести без наказания.

Дарион сделал вдох, и на одно мгновение я увидела, как он борется с ответом. В нём была злость, но под ней шевелилось то самое сомнение, которое появилось после пятого удара. Он хотел оттолкнуть его, как отталкивал мои письма, мои вопросы, мои попытки достучаться до него. Но сомнение уже не стояло у двери. Оно вошло в зал вместе со звоном.

— Я не лгал, — сказал он глухо.

Брачная книга отзывалась коротким светом.

Не звоном. Не словом. Только вспышкой на нашем имени.

Этого хватило.

Шёпот в зале взлетел, как птицы, сорванные с крыши. Бран ударил ключом по столу, требуя тишины, но даже его жест вышел менее уверенным, чем раньше. Кассара посмотрела на страницу, и теперь я увидела страх отчётливо. Он не исказил её лица, не сорвал с неё маску, но зацепился за глаза. Она знала, что каждая попытка Дариона отрицать случившееся может дать книге новый повод заговорить.

— Достаточно, — сказал Бран. — До окончания проверки любые утверждения о лжи лорда Гранта являются недопустимыми.

— Это не моё утверждение, — ответила я. — Вы все слышали.

— Мы слышали отклик неизвестной природы.

— Вы только что называли её Колокольней брачных клятв.

Глаза Брана сузились.

— Леди Орвен, вы находитесь на грани обвинения в вмешательстве в старший протокол. Я советую вам выбрать молчание.

Вот оно снова. Выберите молчание. Как удобно они умели предлагать женщине то, что уже пытались сделать силой.

Я почувствовала усталость. Она пришла не в ноги и не в плечи, а куда-то глубже, туда, где весь вечер держалась на одной злости. Мне хотелось выйти из зала, вдохнуть воздух без свечей и чужих духов, сорвать с ворота вышитую линию драконьего пламени, которая теперь казалась не знаком супруги, а следом ошейника. Но выйти мне не позволят. И если я сейчас опущу голову, они запишут это как признание.

Я выпрямилась.

— Я уже молчала, лорд Рихтер. Месяцами. Видимо, колокольня устала делать это вместе со мной.

По залу прокатился совсем иной звук. Не шёпот, а сдержанное движение людей, которые не хотели согласиться вслух, но не могли больше делать вид, что ничего не произошло.

Бран побледнел сильнее.

— Стража Палаты, — сказал он.

Двое стражей у дверей шагнули вперёд. Их серые плащи качнулись, цепи брачного закона на груди блеснули в свете печатей. Я ощутила, как Дарион резко повернул голову.

— Нет, — произнёс он.

Слово вышло не громким, но стражи остановились. Вот она, настоящая власть. Не крик, не угроза, а привычка людей замирать, едва глава рода Грантов сказал одно короткое слово.

Бран посмотрел на него.

— Лорд Грант, Палата обязана обеспечить безопасность обряда.

— Обряд сорван, — сказал Дарион.

— Обряд приостановлен.

— Вы собираетесь задержать мою жену?

После этих слов зал замер.

Мою жену.

Я почувствовала, как они ударили по мне сильнее обвинений. Не потому, что в них было тепло. Тепла не было. Дарион произнёс их жёстко, сдержанно, почти как юридический факт. Но после всего, что произошло, после «брак не выполнил назначения», после «клятвы больше нет», после Кассары рядом с ним — эти два слова открыли внутри такую свежую боль, что я едва выдержала.

Мою жену.

Значит, когда Палата потянулась ко мне стражей, он снова вспомнил, кем я ему являюсь? Как удобно.

Я посмотрела на него, и он, кажется, понял. Потому что в его лице мелькнуло что-то тяжёлое, не похожее на злость.

Бран же воспользовался его словами иначе.

— Именно поэтому вопрос требует осторожности. Если леди Орвен всё ещё связана с вашим браком, она остаётся частью дела Палаты. До выяснения причины отклика её необходимо изолировать от родовых печатей, участников обряда и возможных источников усиления.

— Вы хотите закрыть меня? — спросила я.

Бран повернулся ко мне.

— Я хочу соблюсти закон.

— Закон сегодня уже попытался стереть имя, которое не стёрлось. Может быть, ему стоит сначала объяснить это?

— Объяснение будет получено.

— От кого? От меня? Или от той колокольни, которую вы так старательно называете неизвестным откликом?

Кассара снова вмешалась, и на этот раз её голос прозвучал мягче прежнего, почти с печалью.

— Таисса, вы делаете себе хуже. Никто не желает вам вреда. Но после такого проявления вас нельзя просто отпустить во дворец. Люди испугаются, начнутся слухи, роды потребуют ответа. Если вы уверены в своей невиновности, вам стоит позволить Палате всё проверить.

Она назвала меня по имени.

Без титула. Без Грант. Без Орвен.

Я почувствовала это сразу, как чувствуют тонкую царапину на коже. Кассара уже примеряла мой дом настолько уверенно, что позволила себе сократить меня до одного имени перед Палатой.

Дарион тоже услышал.

— Леди Норт, — сказал он, не глядя на неё, — сейчас не время.

Её лицо не изменилось, но я заметила, как тень легла у уголка губ. Он остановил её при всех. Впервые за вечер.

Маленькая трещина. Не победа. Даже не защита. Но трещины в камне опасны тем, что через них потом входит вода.

Бран закрыл протокол ладонью.

— Есть древний порядок, — произнёс он после паузы. — Если имя супруги не снимается после звона Колокольни брачных клятв, жена обязана провести ночь под её сводами. До рассвета. Без сопровождения рода, без вмешательства Палаты, без права покинуть территорию. На рассвете колокольня либо примет её как свидетельницу клятвы, либо отвергнет как источник ложного отклика.

В зале стало тише, чем после первого звона.

Я не знала этого закона. Судя по лицам многих, они тоже слышали о нём разве что в старых пересказах. Но Бран говорил уверенно. И всё же в его уверенности была странная поспешность. Словно он не столько исполнял правило, сколько выбирал из давно забытых страниц единственный путь, который позволял убрать меня из зала и закрыть от людей до утра.

— Что значит “отвергнет”? — спросила я.

Бран не ответил сразу.

И этого было достаточно.

Дарион шагнул ближе к нему.

— Я задал бы тот же вопрос.

Бран выдержал его взгляд, но пальцы на ключе напряглись.

— Колокольня не убивает, если вы опасаетесь этого, лорд Грант. Она лишь не открывает двери тем, кто не имеет права входить. Если леди Орвен не связана с истинным свидетельством клятвы, к рассвету Палата получит подтверждение. Тогда развод завершится без дальнейших препятствий.

— А если связана? — спросила я.

Теперь Бран посмотрел на меня.

— Тогда утром ваше имя будет рассмотрено в ином порядке.

— Каком?

— В порядке равной клятвы.

Слово «равной» прошло по залу, как ещё один удар. Не такой громкий, но не менее опасный. Кто-то из старших мужчин резко поднял голову. Женщина с веером опустила руку. Дарион замер.

Я не понимала до конца, что означает равная клятва, но видела: они понимают. И им не нравится само её упоминание.

— Равные клятвы не применяются в драконьих родах уже несколько поколений, — сказал старший Элвар.

— Они не отменены, — ответил Бран с такой неохотой, что я уловила её даже сквозь его сдержанность. — Но практически не используются.

Практически.

Значит, не запрещены. Не исчезли. Просто стали неудобны.

Я вспомнила свадебный день. Дарион тогда сказал: «Рядом с собой». Бран нахмурился. Зал притих. Я не придавала этому значения, потому что была влюблена и счастлива, а счастливые женщины иногда принимают важные знаки за красивые подробности.

— Ты знал? — спросила я Дариона.

Он смотрел на меня так, словно сам только что нашёл в памяти дверь, которую кто-то закрыл на чужой ключ.

— Нет.

Брачная книга вспыхнула слабым золотом.

Не так ярко, как раньше. Но вспыхнула.

Дарион резко повернулся к странице. Бран тоже. Кассара стала неподвижной.

Я медленно вдохнула.

— Кажется, книга не согласна.

— Она откликается на напряжение печати, — сказал Бран быстрее, чем следовало. — Не на каждое слово.

— Конечно, — произнесла я. — Сегодня у вас на всё есть объяснение, кроме одного: почему колокольня назвала лжецом не меня.

Дарион смотрел на книгу. Впервые не как на инструмент Палаты, который должен подтвердить его решение, а как на живого свидетеля. Я не знала, что он вспоминает. Нашу свадьбу? Последние месяцы? Собственные слова? Или то, что было между ним и Браном, между ним и Кассарой, между ним и теми родовыми бумагами, которых мне не дали увидеть?

Мне хотелось, чтобы он поднял глаза и сказал: «Я разберусь». Не ради рода, не ради Палаты, не потому что колокольня ударила по его власти. Ради меня. Но это желание было старой привычкой сердца, а не разумом.

Старые привычки не умирают от одного унижения. Они цепляются за каждую трещину в голосе, за каждый взгляд, за каждое слово «жена», произнесённое слишком поздно.

Я заставила себя отвернуться первой.

— Я пойду в колокольню, — сказала я.

Дарион резко посмотрел на меня.

— Нет.

Я усмехнулась краем губ.

— Ты только что просил вычеркнуть меня из брака, а теперь запрещаешь мне исполнить закон, который может объяснить, почему у тебя не вышло?

— Я не позволю отправить тебя одну в место, о котором никто ничего не знает.

— Никто? — Я посмотрела на Брана. — Или никто из тех, кому выгодно говорить, что оно мертво?

Бран выдержал мой взгляд.

— Колокольня принадлежит Палате.

— Тогда почему она не послушалась вас?

В зале снова поднялся шёпот, но теперь в нём звучало уже не только любопытство. Я слышала страх. Некоторые боялись колокольни. Некоторые — того, что она может сказать о них самих. И внезапно я поняла: если древняя башня действительно слышит брачные клятвы, то сегодня испугался не только Дарион.

Многие в этом зале наверняка произносили слова, которые не выдержали бы звона.

Бран закрыл протокол.

— Решение принято. Леди Орвен-Грант будет доставлена к Колокольне брачных клятв до наступления полной ночи. Лорд Грант, вы как заявитель не имеете права сопровождать её внутрь. Леди Норт, ваше присутствие в деле будет зафиксировано отдельно. Заседание Палаты объявляется приостановленным до рассвета.

— Приостановленным? — переспросил один из родовых представителей. — Не закрытым?

— Пока имя не снято, дело не закрыто, — сказал Бран.

Пока имя не снято.

Я вдруг почувствовала, как эта фраза, сказанная им с раздражением, стала моей первой опорой за весь вечер. Моё имя всё ещё было в книге. Кольцо лежало рядом с ним. Колокольня зазвонила. Дарион больше не мог просто отвернуться, а Кассара больше не могла стоять у его плеча так безупречно, как раньше.

Меня унизили, но не стерли.

Эта мысль не утешила. Она не вернула силы сразу. Боль никуда не ушла. Она сидела под рёбрами тяжёлым острым куском, и каждый взгляд Дариона задевал её заново. Но рядом с болью появилось нечто похожее на направление. Если они собирались обвинить меня в звоне, я должна была понять, почему он случился. Если Палата хотела спрятать меня в колокольне до утра, я должна была выйти оттуда не с опущенной головой, а с ответом.

Стражи Палаты подошли ближе, но теперь не трогали меня. После слова Дариона они не решались взять меня под руки. Один встал слева, другой справа, оставив между нами расстояние. Формально — сопровождение. На деле — надзор.

Я потянулась к кольцу.

Дарион сделал движение одновременно со мной. Наши руки встретились над краем Брачной книги, но не коснулись. Между пальцами оставалось несколько вершков, и это расстояние вдруг вместило весь наш брак: близко, мучительно близко, но уже нельзя просто протянуть руку, как раньше.

— Оставь, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Почему? Оно же больше ничего не значит.

Его лицо изменилось. Едва. Но я попала туда, где всё ещё было больно.

— Таисса...

— Не надо произносить моё имя так, будто ты вспомнил его после колокола.

Он замолчал.

Я взяла кольцо сама. Металл лёг в ладонь тёплым, хотя я ожидала холода. На миг в Брачной книге под нашими именами вспыхнула тонкая золотая черта. Я сжала кольцо в кулаке, не надевая. Не его жена у его плеча. Но и не пустая строка в протоколе.

Кассара следила за этим с таким вниманием, что я почти почувствовала её взгляд на своих пальцах.

— Вам лучше передать кольцо Палате, — сказала она. — Чтобы избежать нового отклика.

Я посмотрела на неё и впервые за вечер позволила себе улыбнуться. Не весело. Не с вызовом, от которого потом легко сделать женщину виноватой. Спокойно.

— Если оно вас пугает, леди Норт, значит, ему стоит остаться у меня.

Её глаза стали светлее от злости, но голос не дрогнул.

— Меня пугает не кольцо. Меня пугает то, как быстро личная обида может стать угрозой для целого рода.

— Чужого рода? — спросила я. — Или уже вашего?

Дарион резко сказал:

— Хватит.

На этот раз я не ответила. Не потому, что он приказал. Просто поняла: слова с Кассарой ничего не решат. Она умела играть перед залом, и каждый новый обмен давал ей возможность снова выставить меня обиженной. Если я хотела выжить в этой истории, мне нужно было научиться выбирать не только фразы, но и молчание. Не то молчание, которое мне навязывали, а своё. Тяжёлое, осознанное, сохраняющее силы.

Бран дал знак стражам.

— Леди Орвен-Грант, следуйте за ними.

Я повернулась к выходу.

И вот тут стало трудно.

Не в момент обвинений. Не когда Дарион называл наш брак ошибкой. Не когда я снимала кольцо. Тогда вокруг было слишком много чужих глаз, и гордость держала меня за плечи крепче любого корсета. А теперь, когда решение принято, когда зал расступался передо мной, когда за спиной оставались книга, муж, соперница и люди, запомнившие каждую складку моего лица, мне нужно было идти.

Просто идти.

Не оглянуться на Дариона первой. Не посмотреть, останется ли Кассара у его плеча. Не проверить, кто шепчет, кто сочувствует, кто злорадствует. Не дать им увидеть, что ноги стали чужими.

Я прошла по кругам печатей. Свет под ними уже гас, но некоторые линии продолжали тянуться ко мне, как тонкие золотые жилки в камне. У дверей я всё же остановилась. Не по слабости. По необходимости.

— Лорд Рихтер, — сказала я, не оборачиваясь полностью. — Если утром колокольня меня примет, вы продолжите обряд развода?

В зале снова стало тихо.

Бран ответил не сразу.

— Утром Палата будет действовать по закону.

Я повернула голову.

— Сегодня вы тоже так говорили.

Его лицо застыло.

Дарион стоял у стола и смотрел на меня. Впервые Кассара находилась рядом с ним, но не занимала всё пространство между нами. Брачная книга лежала открытая, моё имя светилося на странице, а над ним дрожал золотой узел, не желавший распадаться.

Я хотела запомнить эту картину. Не ради боли. Ради доказательства себе: я не придумала. Это было. Меня пытались стереть, и что-то древнее, страшное, забытое всем городом сказало — нет.

Потом я вышла.

Коридор после Северного зала показался длиннее, чем раньше. Стражи Палаты шли по обе стороны, но не говорили. За нами закрылись двери, и шум зала остался внутри, как вода за плотиной. Я слышала только собственные шаги, далёкое потрескивание светильников и стук сердца, которое никак не могло решить, спасли меня или только отсрочили падение.

На повороте я почувствовала, что Дарион идёт следом.

Не рядом. В нескольких шагах позади. Его шаги я узнала бы среди десятков других: уверенные, тяжёлые, с лёгкой задержкой перед каждым поворотом, словно пространство само

уступало ему дорогу. Стражи тоже слышали, но не остановились. Никто не сказал главе рода Грантов, что он не имеет права идти по коридору Палаты. Запрет начинался у колокольни. До неё он ещё мог смотреть, как меня ведут.

Я не обернулась.

— Таисса, — позвал он.

Стражи замедлили шаг. Я остановилась только потому, что если бы продолжила идти, это выглядело бы бегством. А я больше не собиралась дарить Дариону ни бегство, ни просьбу, ни удобную слабость.

— Что? — спросила я, глядя на серебряную вязь закона на стене.

Он подошёл ближе, но не настолько, чтобы стражи могли сделать вид, будто нас оставили наедине.

— Ты не должна была соглашаться.

Я всё же повернулась.

— На что именно? На колокольню? Или на то, что ты начал?

Он принял удар молча. Умел, когда хотел. Только в глазах снова мелькнуло золото, но теперь оно не было направлено против меня. Скорее против того, что он сам не мог объяснить.

— Я не знал, что Бран применит старший протокол.

— Но знал, что меня приведут в зал при родах.

— Да.

Признание прозвучало просто. Без оправдания. От этого стало ещё больнее.

— Знал, что она будет стоять рядом?

Он не ответил сразу.

Вот и ответ.

Я кивнула, чувствуя, как внутри снова поднимается горячая волна, но не позволила ей сорваться.

— Тогда не говори мне, чего я не должна была делать. Сегодня из нас двоих не я выбирала жестокость.

Дарион сжал челюсть.

— Я видел, как печать ударила по тебе.

— Поздно.

— Таисса...

— Нет. — Я подняла руку, останавливая его, и кольцо в моей ладони на миг сверкнуло между нами. — Не сейчас. Не после того, как ты потребовал объяснений у меня, а не у того, кто держал перо. Не после того, как позволил ей назвать меня отчаявшейся. Не после того, как твоё первое настоящее сомнение появилось только тогда, когда древняя башня сказала то, что я пыталась сказать месяцами.

Он молчал.

Я видела, что каждое слово дошло до него. Не знаю, ранило ли. Не знаю, сколько в нём осталось того Дариона, который мог быть ранен мной, а не только собственной уязвлённой властью. Но он слышал.

И этого сейчас было достаточно.

— Я поеду к колокольне, — сказала я. — Не потому, что Палата приказала. А потому, что хочу знать, почему она зазвонила.

— Я отправлю людей к северной стене.

— Нет.

Его взгляд стал жёстче.

— Это не просьба.

— А мой ответ — не каприз. Если по закону я должна войти без сопровождения рода, твои люди только дадут Брану повод объявить, что я нарушила испытание.

Дарион хотел возразить. Я видела это по тому, как он чуть подался вперёд. Но остановился. Впервые за вечер остановился сам.

— Тогда я буду ждать у ворот, — сказал он.

Я посмотрела на него долго. Было бы легко сказать что-нибудь злое. Заслуженное. Такое, что заставило бы его отступить. Но я устала бросать в него боль и получать вместо ответа камень.

— Ждите, где хотите, лорд Грант, — произнесла я. — Сегодня это уже ничего не меняет. На этот раз он отступил первым.

Стражи повели меня дальше.

Мы вышли из дворцовой части Палаты через боковую галерею, где обычно проводили пары перед закрытыми примирительными слушаниями. Я бывала здесь однажды, не как участница, а как жена главы рода, сопровождавшая Дариона на заседание. Тогда я обратила внимание на узкие окна с видом на север. За ними далеко, за крышами и дымом, торчала тёмная игла старой колокольни. Мне сказали, что это пустая башня, реликт, оставшийся от времён, когда драконы верили в слишком прямолинейную магию клятв.

Я тогда спросила Дариона, почему её не восстановят.

Он ответил: «Потому что некоторым вещам лучше молчать».

Я вспомнила это сейчас так ясно, что остановилась у окна.

За стеклом темнел город. Вечерний приём, для которого зажигали огни, теперь наверняка превратился в сборище слухов. Люди будут говорить о моём кольце, о слове колокольни, о том, как Кассара отступила на полшага, о том, как Дарион назвал меня женой после того, как пытался вычеркнуть. Каждый возьмёт себе ту версию, которая удобнее его страху.

А над северной стеной стояла колокольня.

С этого расстояния она казалась тонкой и чёрной, похожей на осколок ночи, вонзившийся в город. Ни одного огня. Ни одного признака жизни. Но я уже слышала её голос. Он прошёл через зал, через Дариона, через меня. Он назвал ложь ложью.

— Леди, — напомнил один из стражей.

Я пошла дальше.

У выхода из Палаты нас ждала закрытая карета без родового герба. Серый лак, тёмные окна, маленькая печать Палаты на дверце. Не экипаж жены главы рода. Не удобная карета Грантов, в которой когда-то Дарион привозил меня на первые приёмы и накрывал мою руку своей, когда я волновалась перед встречей со старшими семьями. Эта карета была создана для тех, кого перевозят не как гостей, а как часть дела.

Я села внутрь.

Стражи заняли места снаружи. Дверца закрылась, отрезая дворцовый свет. Карета тронулась.

Первые минуты я сидела, сжимая кольцо в ладони, и не позволяла себе думать. Потому что стоило дать мыслям свободу, они возвращались в зал: к Дариону рядом с Кассарой, к словам «брак не выполнил назначения», к серебряному перу над моим именем. Я боялась, что если сейчас позволю себе почувствовать всё сразу, то распадусь в этой чужой карете, где никто даже не подаст мне воды без разрешения Палаты.

Нет.

Не здесь.

Я перевела взгляд на окно. За тёмным стеклом проплывали улицы столицы: огни лавок, силуэты прохожих, мостовая, блестящая после дневного дождя, фонари у домов, где люди жили обычным вечером и не знали, что в Северном зале древний закон проснулся от одного слова. Карета свернула к северу. Дворцовые улицы стали уже, дома ниже, вывески старше. Чем дальше мы ехали, тем меньше было света.

Я разжала ладонь.

Кольцо лежало на коже. Внутренняя полоска золотого огня не погасла. Я провела по ней большим пальцем и почувствовала слабое тепло. Не ласковое. Не утешительное. Живое.

— Почему? — прошептала я.

Ответа не было.

Только далёкий, еле уловимый дрожащий отзвук в воздухе, словно где-то впереди большая медь ещё помнила собственный удар.

Карета остановилась у северной стены.

Я поняла это не сразу. Сначала исчез стук колёс. Потом снаружи раздались голоса стражей, скрип ворот, короткий приказ. Дверца открылась, и в карету вошёл холодный воздух окраины. Он пах камнем, мокрой травой и старой пылью, которую поднимают там, где редко ходят люди.

Я вышла.

Колокольня стояла передо мной.

Вблизи она оказалась не тонкой иглой, а огромной, тяжёлой башней из тёмного камня. Её основание пряталось за кованой оградой, местами заросшей сухими плетями дикого винограда. Верх уходил в небо, где между узкими проёмами темнели неподвижные колокола. Ни огня в окнах, ни стражи у двери, ни следов недавней жизни. И всё же мёртвой она не казалась. После того, что произошло в зале, я уже не могла назвать её мёртвой. Скорее — долгие годы она ждала, пока кто-то произнесёт достаточно наглую ложь.

У ворот стоял человек в сером плаще Палаты. Он держал свиток, но не приближался к башне.

— По закону, — сказал он, глядя не на меня, а на стражей, — леди Орвен-Грант входит одна. Ворота закрываются до рассвета. Вмешательство рода, Палаты или иных лиц до первого света запрещено.

— А если я постучу? — спросила я.

Человек наконец посмотрел на меня. В его взгляде была не жестокость, а суеверный страх.

— Если колокольня откроет вам обратный путь, ворота выпустят. Если нет — рассвет решит.

Какое удобное слово — рассвет. Им можно прикрыть всё, чего люди боятся сказать прямо.

Стражи открыли кованую калитку. Петли застонали так, словно их не трогали десятилетиями. Я шагнула внутрь, и за спиной сразу стало тише. Город остался снаружи. Дворец, Палата, Дарион, Кассара, чужие глаза — всё отступило за ограду, но не исчезло. Оно шло со мной в сжатой ладони, в ожоге метки, в имени, которое не удалось стереть.

Калитка закрылась.

Я осталась одна перед дверью колокольни.

Дверь была высокой, из почерневшего дерева, обитого полосами потемневшего металла. На ней не было ручки, только круглая пластина в центре, гладкая от времени. Я подошла ближе. На камне вокруг входа тянулись старые буквы, но часть их осыпалась, часть скрывали трещины. Я подняла руку, не зная, нужно ли стучать, касаться пластины или произносить своё имя.

Кольцо в ладони стало горячее.

Я разжала пальцы.

Золотая полоска внутри кольца вспыхнула и отразилась на двери тонким светом. По чёрному дереву побежали линии. Сначала еле заметные, затем ясные, золотые, живые. Они расходились от пластины, поднимались по косякам, уходили в камень над входом. Старые буквы, которые я не могла прочесть, начали проступать одна за другой.

Я отступила на шаг.

Над дверью колокольни появилось моё имя.

Не то короткое, которым Дарион бросил в меня в зале. Не то урезанное, которое Касара произнесла без титула. Не девичье имя, к которому меня хотели вернуть, как возвращают ненужную вещь прежнему владельцу.

Полное.

Священное.

Невозможное.

«Таисса Орвен-Грант, равная по клятве».

У меня перехватило дыхание.

За спиной, за оградой, кто-то резко выдохнул. Я не обернулась. Не знала, Дарион ли это, страж, человек Палаты или сама ночь. Я смотрела на буквы, и впервые за этот страшный вечер почувствовала не только боль.

Дверь колокольни открылась внутрь.

И где-то высоко над моей головой дрогнул один-единственный колокол.

Глава 3. Ступени, которые помнят

Дверь колокольни открылась не сразу.

Сначала она только дрогнула, и этот короткий, глухой стон старого дерева прошёл по двору так, что стражи за оградой разом смолкли. Потом потемневшие металлические полосы на створке вспыхнули тем же золотом, что проступило в моём имени над входом, и тяжёлая дверь пошла внутрь сама, без руки, без приказа, без скрипа петель, который должен был бы разорвать ночь.

За порогом не было света.

Только тёмная глубина, холодный запах камня и старой пыли, а где-то наверху — тот самый одинокий дрожащий отклик колокола, который не ударил в полную силу, но дал понять: я услышана. Или впущена. Или предупреждена.

Я стояла перед открытой дверью и не двигалась.

В Зале брачных клятв на меня смотрели десятки людей, и я сумела пройти между ними с поднятой головой. В карете я удержалась, не дав себе распасться на боль и обиду. У ворот я выдержала появление собственного имени на камне. А теперь, когда между мной и колокольней остался только порог, силы внезапно словно отхлынули от рук, от ног, от груди. Не потому, что я передумала. Возвращаться было некуда. За оградой остались стражи Палаты, чужой экипаж и, возможно, Дарион, который всё ещё считал, что имеет право ждать у ворот после того, как привёл меня к разводу.

Впереди была башня, проснувшаяся от его лжи.

Я сжала кольцо в ладони и шагнула внутрь.

Дверь закрылась за моей спиной так тяжело, что воздух качнулся. Звук не был хлопком. Скорее, каменная пасть сомкнулась, отрезая двор, город, Палату и всё, что ещё недавно казалось моей жизнью. Я обернулась и увидела на внутренней стороне створки те же золотые линии, только теперь они уже не сияли. Они тлели под деревом, как угли под золой.

Внутри колокольня оказалась больше, чем казалась снаружи.

Низкий круглый зал уходил стенами вверх, в темноту, где терялись балки, лестницы и связки веревок. Каменный пол был выложен неровными плитами. В трещинах между ними скопилась пыль, сухая трава и серый мусор, занесённый ветром через разбитые окна. У дальней стены чернел старый очаг, настолько широкий, что в нём можно было бы развести огонь для целой караульной смены. Над очагом висела потемневшая железная полка, пустая, если не считать медного крюка и маленькой чаши с засохшим воском.

Вдоль стен тянулись деревянные стойки. На них висели ленты. Сотни лент. Может быть, тысячи.

Одни были белыми, другие золотыми, третьи потемнели до цвета старого пергамента. Некоторые висели ровно, с аккуратно выведенными именами. Другие были оборваны, скручены, опалены по краям или перевязаны узлами. От лёгкого движения воздуха они едва заметно шевелились, и мне на миг показалось, что это не ткань, а множество беззвучных голосов, которым приказали висеть и ждать.

Я провела пальцами по ближайшей ленте, не успев подумать, можно ли трогать чужую клятву.

Ткань оказалась холодной.

На ней было имя женщины: Аурика Вельт. Рядом — имя мужчины, наполовину выцветшее, а под ними короткая строка брачного обещания. Я склонилась ближе, пытаюсь разобрать буквы, но в эту минуту над головой потянуло сквозняком, и лента выскользнула из-под пальцев.

На соседней стойке висели другие имена. Лаурена Тирс. Маделин Орт. Санна Риоваль. Женские имена читались отчётливо. Мужские часто были выцветшими, размытыми или заклеенными печатями Палаты. На некоторых лентах женские строки перечёркивали серебряные штрихи, похожие на след от пера Брана Рихтера.

Я отступила от стойки.

В зале стало труднее дышать, хотя воздуха здесь хватало. Он был холоден, пах камнем, старым деревом и временем. Но под этим запахом я уловила другое — слабый след золы, словно кто-то недавно разводил огонь, а потом тщательно погасил его до моего прихода.

Я повернулась к очагу.

Там действительно была зола.

Не древняя, слежавшаяся в серый камень, а рыхлая, с тёмными крупными угля. Я присела, провела ладонью над ней и почувствовала остаточное тепло. Очень слабое, но настоящее.

Колокольня не была пустой.

Сердце ударило сильнее. Я поднялась так быстро, что голова пошла кругом. Долгий вечер, зал, печати, дорога, холод — всё это наконец добралось до тела. Перед глазами на мгновение поплыли ленты, и я ухватила за край ближайшей стойки, чтобы не пошатнуться.

Нет. Только не сейчас.

Если кто-то был здесь до меня, если колокольня не всё это время стояла мёртвой, значит, Бран Рихтер солгал не только о законе. Или умолчал. В Палате эти вещи умели различать лишь тогда, когда это было им выгодно.

Я осмотрелась внимательнее.

Справа от очага была низкая дверь. Она вела в маленькую комнату, где когда-то, видимо, жил хранитель. Я толкнула её плечом, потому что ручка заржавела и не поддавалась. Комната встретила меня густой пылью, узким окном с треснувшим стеклом и деревянным столом у стены. На столе стояла чашка.

Обычная глиняная чашка. Без драгоценных рисунков, без гербов. Внутри на дне темнел засохший след травяного настоя или просто старой заварки. Я заставила себя не думать о том, кто мог пить здесь до моего прихода. Рядом лежала деревянная ложка, а под ней — сложенный вчетверо кусок ткани, серый от пыли, но не истлевший.

На стене висел плащ.

Я подошла ближе и коснулась его края. Ткань была грубой, тяжёлой, с запахом сырости и дыма. Не женский плащ. Не дворцовый. Его носил человек, привыкший к камню, ветру и длинным ночам в башне. На крючке рядом висела связка ключей, но все они были одинаково чёрными, без отметок. Я взяла её, и металл звякнул в ладони слишком громко.

Где-то наверху отозвался короткий, низкий гул.

Я замерла.

— Я не беру чужое, — сказала я в темноту, сама не понимая, почему оправдываюсь перед башней. — Мне нужно пережить ночь.

Гул не повторился.

Я повесила ключи обратно.

Потом вернулась в главный зал и посмотрела на очаг. Ночь не собиралась становиться теплее, а платье, в котором я пришла в Палату, не было создано для старой колокольни. Вышитое драконье пламя у ворота теперь казалось насмешкой: знак рода, который пытался меня вычеркнуть, согреть не мог.

Я нашла у очага вязанку сухих лучин. Её явно оставили недавно. Не для случайного гостя. Для того, кто знал, что в колокольню кто-то войдёт. Или для себя. Рядом лежало огниво, аккуратно завернутое в кожаный кусок. Я смотрела на него несколько долгих мгновений, и в груди снова поднималась тревога.

Это место не было забытым.

Оно притворялось забытым.

Я присела у очага, уложила лучины, добавила пару тонких поленьев из старой корзины и высекла искру. С первого раза не вышло. Пальцы дрожали, рукав мешал, а кольцо в ладони не позволяло удобно держать огниво. Я положила его рядом на каменную плиту. Золотая полоска в металле блеснула, и искра сразу поймалась на сухой щепе.

Огонь занялся неохотно, но всё же пошёл по лучинам, потом ухватил полено и поднялся выше. Тепло коснулось лица, и я вдруг поняла, как замёрзла. В Зале брачных клятв я держалась на гордости. В коридоре — на злости. У ворот — на упрямстве. Здесь, у очага, когда никто не смотрел, всё это начало трескаться.

Я села прямо на каменный пол, обняла себя руками и опустила голову.

Не заплакала сразу.

Слёзы стояли где-то за глазами, тяжёлые, горячие, но не выходили. Наверное, даже боль устаёт ждать своего часа. Мне казалось, что если я позволю себе разрыдаться, то уже не смогу остановиться до рассвета, а утром Бран Рихтер получит именно то, на что рассчитывал: женщину с опухшим лицом, дрожащим голосом и пустыми руками.

Я не могла дать ему такую победу.

Не могла дать её Кассаре.

И Дариону тоже.

Но память не слушалась. Она снова и снова возвращала меня к одному мгновению: его губы произносят «между нами больше нет клятвы», и колокольня отвечает за меня. Он не поверил моим словам, не услышал моих писем, не заметил моего одиночества, но древняя башня слышала его ложь. Почему? Что именно было ложью? То, что клятвы больше нет? Или то, что он сам верил в это?

Я подняла руку и посмотрела на брачную метку.

Под кружевом рукава она светилась слабым золотом. Раньше метка была изящной линией, похожей на тонкое драконье крыло. Сейчас в ней проступали новые завитки, которых я раньше не замечала. Они уходили к запястью и складывались в маленький узел, такой же, как под нашими именами в Брачной книге.

Равная клятва.

Бран произнёс эти слова так, словно они были старой ошибкой закона. Дарион сказал, что не знал. Книга вспыхнула.

Если книга откликнулась, значит, и его незнание было ложью?

Или он забыл? Или ему позволили помнить только удобную часть?

Я зажмурилась и прижала ладонь к глазам. Голова гудела от вопросов. Мне нужна была вода, свет, хоть какое-то понимание, где я проведу ночь и что делать до рассвета. Колокольня могла сколько угодно хранить правду, но каменный пол оставался каменным, разбитое окно — разбитым, а моё тело — телом женщины, которую весь вечер держали на краю.

Я поднялась.

Сначала нужно было закрыть окно в комнате хранителя. Сквозняк оттуда тянул прямо в зал, заставляя ленты шевелиться и шуршать, словно они переговаривались. Я вернулась в маленькую комнату, нашла под столом старую деревянную ставню и попыталась поднять её к окну. Ставня оказалась тяжёлой, край скользил в руках, платье цеплялось за ножку стола. Я едва не выругалась, но вместо этого упёрла ставню в стену, сняла с плеча тонкий пояс и привязала его к верхней планке, чтобы было за что тянуть.

Работа вышла неловкой. Не дворцовой. Руки запачкались пылью, ноготь на большом пальце надломился, в волосах наверняка осела паутина. Но когда ставня наконец встала в проём и сквозняк ослаб, я испытала такое упрямое удовлетворение, что даже усмехнулась.

Вот, леди Орвен-Грант. Жена, которую хотели вычеркнуть, закрыла первое окно в собственной ссылке.

И тут, пока я завязывала пояс на крючке, за ставней проступили буквы.

Они не вспыхнули ярко. Просто проявились на старом дереве, как следы, которые были там всегда, но ждали угла света.

Я поднесла огарок свечи ближе.

«Лирана Морвель. Снята с рода без голоса. Отклик не принят».

Ниже, мелкими буквами:

«Адель Рейн. Имя возвращено посмертно. Палата признала ошибку записи».

Я отшатнулась так, что пламя свечи едва не погасло.

Женские имена.

На ставне. В комнате хранителя.

Я провела пальцами по первой строке. Дерево было шершавым, буквы неглубокими, выцарапанными чем-то острым. Не магией. Рукой. Кто-то писал их здесь, потому что не мог оставить в книге. Потому что там их стёрли, испортили или спрятали.

Снята с рода без голоса.

Имя возвращено посмертно.

Под рёбрами снова поднялся холод, но теперь он был другим. Не страх перед моей судьбой, а ощущение, что я стою на краю чужой, длинной беды. Я пришла сюда как женщина, которую муж назвал ненужной. А колокольня встретила меня именами тех, кого уже однажды вычеркнули.

Я вернулась к столу и начала искать.

Сначала осторожно, потом всё быстрее. В ящиках лежали обломки перьев, куски старых свечей, мотки тонкой верёвки, щепки, несколько пустых чернильниц. Один ящик заело, и я потянула его обеими руками. Дерево поддалось с сухим треском, из щели высыпалась пыль и маленький латунный ключ. Не из той связки на стене. Этот был тоньше, с головкой в форме колокола.

Я взяла его и тут же услышала за спиной голос:

— Если колокольня дала ключ, значит, вы уже нашли не то, что искали, а то, что она хотела показать.

Я обернулась так быстро, что свеча дёрнулась в руке, и горячий воск капнул на пальцы.

В дверном проёме стоял старик.

Он был высоким, но сутулым, в длинном тёмном кафтане, местами протёртом на локтях. Седые волосы, собранные у затылка кожаным шнуром, падали на ворот. Лицо сухое, с глубокими складками у рта и глаз, но взгляд — ясный, тяжёлый, без старческой мутности. В одной руке он держал фонарь с голубоватым огнём, в другой — деревянную трость, набалдашник которой был вырезан в форме маленького колокола.

Я подняла свечу выше.

— Кто вы?

— Оринт Клав, — ответил он. — Хранитель этой колокольни. Или то, что осталось от хранителя, если верить Палате.

Я отступила от стола, не выпуская ключа.

— Мне сказали, что колокольня пустая.

— Вам сегодня много чего сказали.

Он произнёс это без сочувствия и без насмешки. Просто как человек, который давно привык к тому, что слова Палаты редко совпадают с камнем под ногами.

— Вы были здесь? — спросила я. — Когда она зазвонила?

Оринт вошёл в комнату и поставил фонарь на стол. Голубоватый свет открыл то, чего я раньше не заметила: на стенах были не только имена, но и тонкие линии, ведущие от одной записи к другой. Они складывались в схему, похожую на родословное дерево, только вместо родов связывали браки, отречения, вычёркивания и решения Палаты.

— Я был наверху, — сказал он. — Колокол не любит, когда под ним стоят с открытым ртом.

— Вы знали, что он может заговорить?

— Колокол всегда может заговорить. Люди предпочитают верить, что он молчит, потому что так удобнее спать.

Я смотрела на него, пытаясь понять, союзник ли он, судья или очередной человек, который знает больше меня и будет выдавать правду маленькими кусками. После сегодняшнего вечера я больше не доверяла спокойным голосам.

— Почему вы не пришли раньше? — спросила я. — В Палату. В зал. Если вы хранитель, если знаете закон, почему позволили им отправить меня сюда как виноватую?

Оринт опустил взгляд на ключ в моей руке.

— Потому что колокольня не спасает обиженных, леди Орвен-Грант.

Эти слова задели больше, чем должны были. Я сжала пальцы вокруг ключа.

— Тогда зачем она зазвонила?

— Она возвращает голос клятвам, которые нарушили.

Я молчала.

Огонь в фанаре дрожал, отражаясь в его глазах. За стеной главного зала шуршали ленты. Очаг потрескивал дальше, слабый, но живой. И в этой странной, чужой комнате, среди записей женщин, которых я не знала, но уже не могла считать чужими, я вдруг поняла: Оринт не собирается утешать меня. Он не скажет, что всё будет хорошо, не назовёт Дариона дураком, Кассару злодейкой, Брана лжецом. Ему не нужно было занимать мою сторону словами.

Колокольня уже заняла её звоном.

А дальше, видимо, я должна была идти сама.

— Что значит равная клятва? — спросила я.

Старик не ответил сразу. Он подошёл к ставне, где проступили имена, и провёл пальцем по строке Лираны Морвель.

— То, что драконьи роды давно не любят вспоминать. Обычная брачная клятва вводит жену в дом мужа. Равная ставит её рядом с ним перед законом рода. Не украшением. Не приложением к гербу. Голосом.

Слово отозвалось под кожей, там, где светилась метка.

— У меня была такая клятва?

— Раз ваше имя появилось над дверью, колокольня считает, что да.

— А вы?

Оринт посмотрел на меня.

— Я считаю то же, что говорит камень. Люди менялись, Палата переписывала уставы, роды учились называть удобное законным. Камень хранит проще. Если написано «равная по клятве», значит, кто-то эту клятву дал.

Дарион.

В свадебном зале, до утверждённой формулы. «Рядом с собой». Я слышала эти слова. Бран слышал. Весь зал, наверное, слышал. Но никто не объяснил мне, что они означают. Дарион сказал, что не знал. Книга вспыхнула. Значит, правда была сложнее, чем его незнание.

— Он мог не понимать? — спросила я, ненавидя себя за то, как быстро вопрос о Дарионе вырвался наружу.

Оринт долго смотрел на меня. В этом взгляде не было жалости, но была какая-то усталая человеческая точность.

— Мужчины у власти часто не понимают того, что им невыгодно понимать.

Я отвернулась к столу.

Ответ был честнее, чем мне хотелось.

Я взяла со стола чашку, ту самую, с засохшим следом на дне.

— Вы здесь живёте?

— Иногда.

— Палата знает?

— Палата помнит, когда ей нужно. Забывает, когда ей выгодно.

— Значит, Бран знал, что здесь есть хранитель.

— Лорд Рихтер знает больше, чем говорит. Это главное качество тех, кто ведёт чужие книги.

Я поставила чашку обратно. На её боку заметила маленькую царапину — знак колокола. Такая же форма была на головке ключа.

— Почему он отправил меня сюда, если колокольня может принять меня?

— Потому что надеялся, что вы не войдёте.

— Дверь открылась сама.

— Не каждая женщина доходит до двери, леди Орвен-Грант. Некоторых ломают в зале. Некоторые подписывают отказ в карете. Некоторые у ворот просят мужа забрать их обратно, и Палата получает то, что хотела: добровольное молчание.

Я вспомнила, как Дарион сказал: «Ты не должна была соглашаться». Как хотел отправить людей к северной стене. Как собирался ждать у ворот. Я не знала, что в нём было: страх за меня, страх за род, попытка вернуть контроль. Может быть, всё сразу. Но если бы я позволила ему вмешаться, Бран получил бы повод.

— Значит, они ждали, что я испугаюсь.

— Все ждут, что униженная женщина выберет дверь назад, если ей показать достаточно темноты впереди.

Я посмотрела на открытый ящик, где лежала пыль и откуда выпал ключ.

— А если она не выбирает?

Оринт повернул голову к главному залу.

— Тогда колокольня начинает вспоминать.

Слово «вспоминать» прозвучало так, что я невольно тоже посмотрела туда, где за стеной висели ленты. В них была не просто ткань. Там лежали жизни, обещания, подмены, чьи-то подписи и чьи-то исчезнувшие имена. Моя история оказалась не первой. И это было страшно.

Боль легче переносить, когда считаешь её единственной. Тогда в ней есть хотя бы горькая исключительность. Но когда понимаешь, что твою боль уже отработали до тебя, сделали из неё порядок, закон, протокол, — она перестаёт быть личной бедой и становится частью чего-то огромного.

Меня не просто бросал муж.

Меня пыталась поглотить система, которая делала это с женщинами до меня.

— Мне нужно понять, что делать до рассвета, — сказала я.

Оринт кивнул на ключ в моей руке.

— Для начала открыть нижний шкаф.

— И там будет ответ?

— Там будет первый вопрос.

Я едва не сказала, что вопросов у меня уже достаточно, но сдержалась. Усталость снова подступала, руки ныли, но рядом с ней росло упрямство. Если Бран хотел, чтобы я сидела в башне и дрожала до рассвета, я сделаю всё наоборот. Если Дарион решил, что между нами нет клятвы, я найду ту, что заставила колокольню назвать его ложь. Если Кассара боялась моего кольца, я узнаю почему.

Оринт повёл меня обратно в главный зал.

Голубой фонарь осветил стойки с лентами, и теперь я увидела, что они расположены не случайно. Каждый круг соответствовал какому-то времени, роду или типу клятвы. У пола висели новые ленты, выше — старые, а под самым потолком, куда уходила винтовая лестница,

темнели широкие связки почти чёрной ткани. Оттуда тянуло холодом и слабым медным запахом.

— Сколько их? — спросила я.

— Нарушенных? Потерянных? Спрятанных? — Оринт поднял фонарь выше. — Больше, чем Палата готова признать. Меньше, чем должно было бы быть, если бы все клятвы звучали честно.

У очага огонь стал увереннее. Я опустилась перед нижним шкафом, встроенным в стену под первой стойкой. Замка на нём я сначала не увидела, только круглое углубление, похожее на след от монеты. Ключ с головкой колокола подошёл туда без усилия. Я повернула его, и где-то внутри стены щёлкнуло.

Шкаф открылся.

Внутри лежала книга.

Не Брачная книга Палаты, роскошная и властная. Эта была меньше, в переплёте из тёмной кожи, с углами, стянутыми медью. На обложке не было названия, только выдавленный круг колокола и тонкая трещина через него. Я вынула её осторожно, ожидая вспышки, звона, любого отклика. Ничего не случилось.

— Что это?

— Книга тех, кого не должны были помнить.

Оринт сказал это просто, а у меня похолодели пальцы.

Я открыла первую страницу.

Почерков было много. Одни строки аккуратные, другие торопливые, третьи дрожащие. Женские имена, даты, решения Палаты, отметки о снятии с рода, пометки о «добровольном отказе», «неподтверждённой связи», «исчерпанной клятве». Рядом, на полях, другой рукой были сделаны короткие записи: «не допущена к ответу», «печать сопротивлялась», «свидетельство отклонено», «колокол не пустили».

Колокол не пустили.

Я подняла глаза.

— Как можно не пустить колокол?

Оринт сел на скамью у очага, будто этот разговор требовал не спешки, а выдержки.

— Запечатать верёвки. Закрыть ярус. Отстранить хранителя. Провести обряд в зале, где звук не примут старые стены. Есть много способов заставить правду опоздать.

— Сегодня они тоже пытались?

— Сегодня Дарион Грант сказал ложь рядом с открытой Брачной книгой, а ваша метка удержала связь. Иногда даже хорошо поставленная печать не выдерживает, если ей приходится давить на живое.

Я смотрела на страницы. На чужие имена. На строки, где «добровольно» могло означать «не выдержала», «молчала» могло означать «не допустили», а «исчерпана» могло скрывать чью-то клятву, которую так и не дали услышать.

Потом нашла знакомую фамилию.

Норт.

Запись была старой, сделанной больше двадцати лет назад. Имя женщины: Эврина Норт. Рядом имя мужчины из другого рода, перечёркнутое. В графе решения Палаты: «клятва признана слабой, право голоса супруги снято». На полях: «род Норт ходатайствовал о сохранении брачной выгоды без сохранения равного права».

Я прочитала строку дважды.

— Род Норт уже связан с такими делами.

— Многие роды связаны.

— Но Кассара знала о колокольнях.

— Видимо, в её доме старые истории не считали сказками.

Имя Кассары в комнате не прозвучало громко, но в лентах по стенам пошло лёгкое движение. Я подняла голову. Одна из лент в верхнем круге качнулась сильнее остальных, но тут же замерла.

— Что это было?

— Упоминание имени рядом с похожей клятвой. Колокольня иногда слушает не слова, а связи между ними.

— Она слышит нас?

— Она слышит клятвы. Люди слишком часто путают себя с ними.

Я закрыла книгу не сразу. Пальцы задержались на записи рода Норт. В голове начала складываться первая нить: Кассара не просто будущая жена, случайно оказавшаяся рядом с Дарионом. Её род уже имел дело с равными клятвами. Она знала слова, которыми можно обесценить звон. И она хотела забрать моё кольцо. Почему? Чтобы не было нового отклика? Или потому, что кольцо могло открыть то, что Палата пыталась удержать до утра?

Я взяла кольцо из кармана и положила на ладонь.

Оно ответило теплом.

Оринт посмотрел на него.

— Не надевайте, пока не решите, кем входите в башню.

— Что это значит?

— Если как жена Дариона Гранта — колокольня поведёт вас к нему. Если как Таисса Орвен, которую хотели стереть, — к тем, кто делал это раньше. Если как равная по клятве — наверх.

— А если я пока не знаю?

Оринт поднялся.

— Тогда переживите ночь. Иногда первый честный выбор — не упасть там, где все ждут.

Я хотела ответить, но не смогла. Потому что именно это я и делала весь вечер. Не падала. Не просила. Не срывалась. Но жить нельзя только тем, что ты не упала. Рано или поздно нужно было понять, куда поставить следующий шаг.

Оринт показал мне, где хранится вода: в каменной нише, куда по медной трубке стекала тонкая струя из верхнего резервуара. Вода была холодной, с привкусом камня. Я умыла лицо, стёрла пыль с пальцев и вдруг увидела в треснувшем зеркале над нишей своё отражение.

Я выглядела не так, как входила в Зал брачных клятв.

Волосы выбились из причёски, на щеке остался след пыли, платье у подола испачкалось о пол колокольни, на рукаве темнела полоса от старой ставни. Но глаза были уже не те. В начале вечера я шла к Дариону с последней надеждой. Сейчас стояла в башне, где моё имя сияло над дверью, и держала в памяти женщин, которых записали как молчаливых, потому что не дали им говорить.

— Можно здесь сесть? — спросила я, больше чтобы услышать собственный голос, чем из-за настоящей необходимости.

— Здесь можно всё, что не нарушает клятву, — ответил Оринт из главного зала.

— А как понять, нарушает или нет?

— Башня даст знать.

Спасибо. Объяснение в духе всех людей, которые считают себя хранителями чего-то древнего.

Я вернулась к очагу. Оринт принёс из комнаты хранителя старое покрывало, вытряхнул его у двери и положил на скамью. Потом достал из ниши небольшой мешок с сухими яблоками и хлебом, завернутым в полотенце. Еды было мало, но после всего вечера даже кусок хлеба показался возвращением в тело. Я ела у огня маленькими кусками, стараясь не думать, что во дворце в это время, возможно, накрывают столы для приёма, который должен был стать объявлением моего исчезновения.

— Они хотели объявить помолвку сегодня? — спросила я.

Оринт стоял у стойки с лентами и перебирал их длинными пальцами, не снимая с крючков.

— Если дело о снятии имени закрыли бы до вечера, роды получили бы удобный повод остаться в зале. Сначала развод, потом новый союз. Так власть любит экономить время.

Хлеб застрял в горле. Я отложила остаток.

— Значит, всё было готово.

— Судя по тому, что леди Норт пришла в цветах Грантов, да.

Боль от этой фразы была уже не новой, а потому глубже. Я закрыла глаза, вспоминая Кассару рядом с ним. Платье тёмного золота. Гранатовые нити. Маленький дракон на цепи. Дарион позволил ей надеть это до моего вычёркивания. Он мог не знать про равную клятву, мог быть обманут в документах, мог ошибаться в выводах. Но это он допустил сам. Никто не заставлял его поставить новую женщину на моё место до того, как Палата сняла моё имя.

— Я не хочу оправдывать его, — сказала я.

Оринт посмотрел на меня от лент.

— Вас никто не просит.

— Но часть меня всё равно ищет объяснение.

— Это не слабость. Это привычка сердца к тому, кого оно долго считало своим.

Я сжала край покрывала.

В этих словах не было мягкого утешения, но они почему-то оказались ближе к правде, чем всё, что мне сказали за вечер. Меня не нужно было уговаривать разлюбить Дариона за одну ночь. Это было бы такой же ложью, как его «между нами больше нет клятвы». Любовь не исчезает по решению Палаты. Но и возвращать себе человека только потому, что древняя башня поймала его на лжи, я не собиралась.

Если между нами ещё была клятва, сначала я должна была понять, кто и зачем пытался её уничтожить.

Ночь двигалась через колокольню без часов.

Я не знала, сколько времени прошло. Огонь в очаге стал ровнее, в комнате хранителя уже не тянуло от окна, а за стенами башни ветер иногда проходил так, что верхние колокола отзывались слабым медным дыханием. Оринт не уходил, но и не сторожил меня. Он то исчезал в боковых проходах, то появлялся снова с новыми свечами, то проверял верёвки у стены, словно колокольня была кораблём, который нужно держать готовым к буре.

Я тем временем продолжала читать книгу.

Не всю — это было невозможно. Но достаточно, чтобы понять: Палата десятилетиями умела превращать женское несогласие в формулировки. «Приняла волю рода». «Не возражала при свидетелях». «Отказалась от права голоса». «Не представила доказательств». У каждой сухой строки на полях иногда было другое свидетельство: «Не пустили в зал». «Говорила, но запись не внесена». «Кольцо изъято до обряда». «Хранитель отстранён».

Кольцо изъято.

Я снова посмотрела на своё.

Кассара хотела, чтобы я отдала его Палате.

— Почему кольцо важно? — спросила я.

Оринт подошёл ближе.

— Брачное кольцо хранит не чувства. Оно хранит момент принятия клятвы. Если клятва обычная, кольцо подтверждает вход жены в род. Если равная — подтверждает её право стоять рядом с главой рода. При снятии имени кольцо часто забирают первым.

— Чтобы женщина не могла доказать, какая клятва была дана?

— Чтобы колокольня не могла узнать её голос через металл.

Я медленно закрыла пальцы вокруг кольца.

Теперь понятно, почему Кассара следила за ним так пристально. Почему Бран записал снятие кольца как добровольное. Почему Дарион сказал «оставь». Хотя его причина, возможно, была другой. Или он сам не знал причины, только чувствовал, что кольцо нельзя отдавать.

Я устала от этого «возможно».

Утро было ещё далеко, а я уже понимала: правда не лежит передо мной цельным камнем. Она рассыпана на куски. Один в книге. Один в кольце. Один в словах Дариона на свадьбе. Один в страхе Кассары. Один в молчании Брана. И каждый кусок резал, когда я пыталась взять его голыми руками.

— Мне нужно подняться наверх, — сказала я.

Оринт покачал головой.

— Не ночью.

— Почему?

— Верхние ярусы открываются не от желания. Первый ярус примет вас на рассвете, если нижний зал признал ваше имя.

— А нижний зал признал?

Вместо ответа он указал на дверь.

Я подошла к входу и увидела, что моё имя над внутренней стороной створки уже не сияло ярко. Оно стало спокойным золотым оттиском в дереве, словно было вырезано там много лет назад. Под ним появилась новая тонкая строка.

«Ночь свидетельницы началась».

Я провела пальцами по буквам. Дерево было тёплым.

Свидетельницы.

Не виновной. Не задержанной. Не источника отклика.

Свидетельницы.

Я вернулась к очагу и впервые за эту ночь почувствовала, что могу сесть не как изгнанница, а как человек, которому предстоит работа. Это не отменяло боли. Она никуда не делась: стоило закрыть глаза, я видела Дариона и Кассару, слышала «брак не выполнил назначения», ощущала, как зал ждал моего падения. Но теперь боль получила стены, огонь, имена на ставне и книгу тех, кого не должны были помнить. Она больше не была бесформенной.

Я положила покрывало на скамью у очага, но лечь не смогла. Слишком много всего шевелилось внутри. Поэтому сидела, смотрела на огонь и слушала колокольню.

Она не была тишиной.

Сначала я слышала только ветер. Потом — потрескивание дерева. Потом различила тонкое поскрипывание верёвок, лёгкий шелест лент, каменное дыхание лестниц, которые уходили во мрак. Через какое-то время мне начало казаться, что башня не спит. Она перебирает память, проверяет моё имя, примеряет его к своим старым ранам.

Возможно, так и было.

Оринт сидел на другом конце зала, у стойки с лентами. Голубой фонарь у его ног стал ниже, но не погас.

— Вы давно здесь? — спросила я, чтобы не утонуть в собственных мыслях.

— Дольше, чем хотелось бы Палате.

— Вас назначили?

— Меня забыли снять.

— Такое бывает?

— В старых местах часто остаются те, кого новые порядки считают неважными. Иногда это единственная причина, по которой правда доживает до нужного дня.

Я смотрела на огонь.

— Вы знали моё имя до сегодняшнего вечера?

— Да.

Я резко подняла голову.

Он не отвёл взгляд.

— Почему?

— Ваша лента висела здесь с дня свадьбы.

Сердце ударило так сильно, что я положила ладонь на грудь.

— Здесь? Не только в Брачной книге?

— Каждая клятва, способная отозваться колокольне, оставляет ленту в башне. Обычные — в нижнем круге. Спорные — выше. Равные — на первом ярусе.

— Вы видели мою?

— Видел.

— И молчали?

Вопрос вышел острее, чем я хотела. Но Оринт принял его без обиды.

— Я не имею права выходить к супруге и объяснять ей клятву, которую муж и Палата не признали открыто. Колокольня не вмешивается до нарушения.

— То есть пока меня просто медленно выталкивали из собственной жизни, башня ждала?

Оринт поднялся. Его старые суставы хрустнули, но шаги остались твёрдыми.

— Башня не человек, леди Орвен-Грант. Она не утешает, не предупреждает и не ведёт за руку. Она держит память. Иногда память — единственное, что остаётся, когда люди предают.

Я хотела возразить, но слова не пришли.

Потому что это было жестоко. И, возможно, правда.

Колокольня не спасла меня от унижения. Она заговорила только тогда, когда Дарион произнёс ложь под клятвой. Значит, до этого всё зависело от людей. От него. От меня. От Брана. От Кассары. От тех, кто видел, но молчал. Башня не пришла вместо них.

Она лишь отказалась подтвердить их ложь.

Этой ночью я не спала.

Иногда закрывала глаза, но тут же слышала в памяти голос колокольни. Или голос Дариона. Или собственный, когда я сказала ему, что если бы умела заставлять колокола говорить, сделала бы это раньше. Ближе к утру усталость стала плотной, вязкой, но за окнами нижнего зала начал меняться цвет темноты. Не светлеть ярко, а сереть у края разбитых проёмов, будто ночь отступала неохотно.

Оринт поднялся первым.

— Пора.

Я встала со скамьи. Тело отозвалось ломотой, платье помялось, волосы окончательно выбились из причёски. Я попыталась пригладить их руками, потом остановилась. Пусть. Перед Палатой я уже стояла красивой, выправленной, удобной для их протокола. Колокольня видела меня другой. Уставшей, запylённой, злой, но живой.

— Что будет сейчас? — спросила я.

— Первый ярус.

— Там моя лента?

— Если она не ушла выше.

— Ленты могут уходить?

— Клятвы движутся, когда их начинают искать.

Прекрасно. Ещё одна фраза, которая звучала как загадка вместо ответа.

Оринт взял голубой фонарь и подошёл к винтовой лестнице. До этого я старалась не смотреть наверх. Теперь пришлось. Лестница поднималась вдоль стены, узкая, каменная, с потёртыми ступенями. Перила были металлическими, холодными на вид, местами обмотанными старыми лентами. Над нами, в высоте, висели верёвки колоколов. Некоторые спускались до нижнего зала, другие обрывались на ярусах, исчезая в темноте.

Первую ступень пересекала тонкая золотая линия.

Оринт остановился перед ней.

— Дальше я могу идти только за вами. Не впереди.

— Почему?

— Ваше имя открывает ярус. Моё только помнит дорогу.

Я поставила ногу на первую ступень.

Камень отозвался теплом.

Не горячим, не ласковым, а глубоким внутренним откликом, словно ступень узнала вес моего тела и разрешила ему быть. Я поднялась выше. Вторая ступень. Третья. Дыхание сразу стало тяжелее, не от высоты, а от напряжения. Каждая ступень была вытерта тысячами шагов, но я не слышала эха тех, кто ходил здесь до меня. Только собственное дыхание, фонарь Оринта позади и шелест лент внизу.

На десятом витке я остановилась у стены.

Там были царапины. Сначала я приняла их за трещины, но потом увидела слова.

«Не отдала кольцо».

Ни имени, ни даты.

Просто фраза.

Я коснулась её пальцами и почувствовала внезапное родство с неизвестной женщиной. Кто она была? Дошла ли до первого яруса? Вернулась ли утром в зал? Или её имя тоже записали где-нибудь как добровольно отказавшуюся?

— Не задерживайтесь, — сказал Оринт позади.

— Здесь писали женщины?

— Здесь писали те, кто поднимался, когда не мог сказать вслух.

Я убрала руку.

Подниматься стало легче и страшнее одновременно. На следующих ступенях встречались новые следы: обломок шпильки, застрявший в щели; кусочек белой ленты, завязанный на перилах; выцветшая капля сургуча в форме слезы. Колокольня хранила не только клятвы. Она хранила попытки не исчезнуть.

Когда мы достигли первого яруса, рассвет уже просачивался через узкие окна.

Ярус был круглым, ниже, чем я ожидала, но шире нижнего зала. Здесь не было очага, стола или комнаты. Только стойки с лентами, расположенные кольцом вокруг центрального проёма, через который вниз уходила темнота лестницы. Над стойками висели малые колокола — семь штук, каждый размером с большую чашу. Их языки были подвязаны тонкими шнурами, а на каждом шнуре виднелся маленький узел.

— Начальные клятвы, — сказал Оринт. — То, что произносят до того, как Палата записывает удобную версию.

Я подошла к ближайшей стойке.

Ленты здесь были светлее, чем внизу. Многие сохранили цвет: молочный, золотистый, бледно-голубой, красный. На каждой — два имени и первые слова, сказанные до официальной формулы. Я читала обрывки, и от них сжималось сердце. «Я выбираю тебя без совета рода». «Я не позволю твоему имени исчезнуть в моём доме». «Если закон станет против тебя, я стану рядом». Сколько красивых слов. Сколько из них потом пережили жизнь? Сколько стали ложью, когда пришла выгода?

— Где моя? — спросила я.

Оринт поднял фонарь.

— Колокольня покажет, если вы спросите правильно.

— Как правильно?

— Не как брошенная жена. Не как обиженная женщина. Как та, чьё имя вошло сюда само.

Я закрыла глаза.

Это оказалось труднее, чем подняться по лестнице. Потому что внутри меня всё ещё кричала брошенная жена. Всё ещё болела униженная женщина. Всё ещё хотела ответа та, которая вчера утром проснулась в доме Грантов, а ночью стояла в старой башне и искала собственную клятву между чужими лентами.

Но под всем этим было имя.

Таисса Орвен.

Таисса Орвен-Грант.

Равная по клятве.

Я открыла глаза и сказала:

— Я пришла за словами, которые были сказаны до того, как их спрятали.

Ленты дрогнули.

Сначала ближайшие. Потом весь круг. Они не взлетели, не сорвались с крючков, не устроили бурю. Просто повернулись ко мне своими исписанными сторонами, как люди поворачивают лица к тому, кого наконец узнали. В глубине яруса вспыхнул тонкий золотой огонь. Одна лента отделилась от остальных и медленно вытянулась вперёд.

Я узнала её сразу.

Не глазами.

Рукой.

Ещё до того, как увидела имена, пальцы потянулись к ткани, и брачная метка на запястье ответила таким тёплым ударом, что я едва удержала дыхание. Лента была белой, но не чисто-белой, как на торжественных обрядах, а с тёплым золотистым отливом. По краям шла тонкая вышивка драконьего огня, но между языками пламени были вплетены маленькие колокола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.